

The background image is a dark, atmospheric scene. It features a robotic figure, possibly a droid, standing in a dimly lit industrial or laboratory environment. The figure has a glowing red and yellow light on its head. It is surrounded by thick, white smoke or steam that rises from the floor. Several heavy metal chains are suspended from the ceiling, some of which are draped over the figure. The lighting is dramatic, with bright light sources in the background creating a hazy, ethereal effect. The overall tone is mysterious and futuristic.

АСТЕРОИД-СИТИ

Без пощады

Дем Михайлов

Астероид-Сити

Дем Михайлов

Без пощады

«Автор»

2012

Михайлов Д.

Без пощады / Д. Михайлов — «Автор», 2012 — (Астероид-Сити)

ISBN 978-5-9942-0986-8

Астероид Сити... замкнутый мирок, населенный бездушными обитателями. Повсеместная коррупция, мафиозные и бандитские группировки действуют практически в открытую. Но еще никто даже не подозревает, какой ужас обрушится на город, с появлением в нем человека (а человека ли?) по прозвищу Гиена. Семнадцатилетний калека лишен всего – родной семьи, будущего и наконец, большей части своего тела. От немедленного самоубийства его удерживает только одно – испепеляющее чувство мести к виновникам всех его бед. К тем, кто остался безнаказанным за совершенные злодеяния.

ISBN 978-5-9942-0986-8

© Михайлов Д., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Астероид Сити	5
0	5
1	7
2	11
3	13
4	15
5	17
6	20
7	22
8	25
9	29
10	32
11	36
12	38
13	43
14	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дем Михайлов Без пощады

Астероид Сити

0

Гигантское скопление обломков самой разной величины в небольшой планетной системе висело уже давно, и ничто не нарушало их покой в течении долгих тысячелетий. До тех пор, пока сюда не добрался потрепанный разведывательный корабль дальнего действия, принадлежащей корпорации НЭПР. Экипажа на борту не было – корабль шел по заранее проложенному маршруту под управлением корабельного ИИ. Корабль добрался до края скопления, ошупал сканерами ближайшие обломки, автоматические зонды собрали образцы и сделали замеры, камеры произвели снимки с различных ракурсов, затем разведчик собрал зонды, сверкнул соплами и убрался восвояси.

Спустя три года в систему прибыло сразу три корабля дальнего действия – огромный колониальный корабль, три грузовых шаттла и малый крейсер для защиты ценного груза. Корпорации всегда старались защитить свои инвестиции, и НЭПР не был исключением из правил. Капитан крейсера получил особый приказ на случай внезапной атаки конкурентов или пиратского нападения – шаттлы с крайне ценным грузом должны остаться неповрежденными. А огромный и неповоротливый колониальный корабль.... Значит, на то была воля господня. Все мы смертны.

Судьба оказалась благосклонна, и конвой прибыл к месту назначения без особых проблем – если не считать за таковую тот случай, когда в жирную тушу набитого анабиозными камерами корабля врезалось несколько ничтожно крохотных метеоров – по космическим меркам – и пробили тонкую обшивку, впуская внутрь равнодушный и смертельный для живых существ вакуум. Бодрствующая дежурная смена среагировала похвально быстро, вовремя залатала парящие пробоины и восстановила работу поврежденной электроники. Да, двести сорок восемь человек погибло при взрывной разгерметизации одного из анабиозного отсека, но это уже мелочи. Тем более что погибшие были не дорогостоящими специалистами, а обычными шахтерами с самыми дешевыми контрактами и без страховок. Случись это с обычным пассажирским лайнером, то полиция, несомненно, заинтересовалась бы, почему не работала анти-метеоритная защита, и полицейские изрядно бы удивились, обнаружив, что такой системы вообще не существует – корпорации экономят на всем, за исключением самого дешевого из ресурсов – людей. Но капитан конвоя мог не волноваться за свою судьбу – никакого расследования не предвиделось. Этот мелкий инцидент вообще не был отмечен в судовом журнале. Словно его и не было вовсе. Как бы то ни было, но конвой добрался до нужной планетной системы, сопла двигателей сверкнули в последний раз и погасли.

Висящие в вакууме каменные обломки содержали в себе столь редкий артианит, обладающий уникальными свойствами. Специалисты корпорации оценили возможный запас артианита в астероидном поле и сочли его более чем достаточным, чтобы окупить все затраты на широкомасштабную разработку. ИИ корабля добросовестно указал на слишком большой уровень радиации, исходящий от скопления каменных глыб, и предупредил о серьезной опасности для биологических организмов. ИИ приказали заткнуться и не лезть со своими советами – руководство НЭПР интересовалось лишь суммами прибылей.

Оставалось построить для персонала жилой купол и собрать из готовых блоков перерабатывающую фабрику – но это уже было дело техники. Будущие рабочие и шахтеры еще спали в анабиозных камерах, а роботы под управлением ИИ уже приступили к разгрузке шаттла и поиску подходящего астероида для размещения жилого купола.

Для этой цели идеально подошла исполинская каменная глыба, висевшая достаточно близко к мешанине остальных каменных обломков, но в то же время державшаяся несколько особняком. Его положение стабилизировали относительно желтого светила и дали сигнал технике. Массивные промышленные роботы выровняли площадку достаточно большую, чтобы вместить двадцатикилометровый купол под жилые и промышленные цели, благо, низкая гравитация позволяла возводить воистину грандиозные сооружения.

Спустя год купол был окончательно смонтирован и роботы под руководством людей-инженеров, приступили к установке промышленного оборудования и систем жизнеобеспечения. На это ушло еще полгода времени, три миллиарда кредитов, около ста человеческих жизней и более трехсот, в конце выработавших свой ресурс, роботов. Но дело было закончено точно в сроки, указанные аналитиками мега корпорации.

Как только все четыре установленных термоядерных реактора были выведены на рабочую мощность, а системы жизнеобеспечения начали заполнять купол воздухом, ИИ приказал вывести основной персонал из анабиозного сна. Еще через неделю, створы шлюзов раскрылись и приняли первую партию рабочих...

Так было положено начало Астероид Сити – города под куполом... человеческой колонии, что затеряна в окраинном секторе галактики.

Вот уже двести одиннадцать лет, Астероид Сити исправно добывает бесценный артианит, принося огромные прибыли своему владельцу – Корпорации НЭПР, но последние несколько лет ползут упорные слухи, что залежи артианита вот-вот иссякнут...

1

13.12.2701 по общечеловеческому летоисчислению.

Астероид Сити, 12 (внешний) сектор купола.

Электронное табло на отделанной серым пластиком стене показывало ровно семь утра, когда металлическая дверь, отделяющая внутреннюю часть приюта от внешней, с легким шумом ушла в потолок. В открывшийся дверной проем вкатилась небольшая гусеничная платформа, на которой ссутулился безногий калека.

Платформа остановилась перед светящейся решеткой силовых линий, ожидая разрешения от робота-привратника, сверяющегося с электронными документами. Убедившись, что выпускник имеет право здесь находиться, робот-привратник активировал мигающую пиктограмму на виртуальном экране, и произошло сразу несколько событий – за спиной Нортиса опустилась металлическая дверь, отрезая путь назад, преграждающая путь лазерная решетка исчезла, по полу зазмеилась световая линия, оканчивающаяся у подсвеченного желтым квадратом.

– Выпускник Нортис Вертинский, займите подсвеченную зону, – скомандовал привратник, не отрывая объектива камеры от вирт-экрана с информацией.

Нортис привычно послал мысленный импульс команды, и его старенькая гусеничная платформа пришла в движение. Резиновые гусеницы с легким шелестом доставили его на указанное место, и он вновь неподвижно замер перед стойкой, что занимала большую часть входного отсека приюта. Как и стены, стойка была покрыта серым пластиком – самый практичный выбор цвета, на котором не видны грязные разводы. Двенадцатый сектор никогда не отличался чистотой и заботой об эстетической составляющей.

Находящийся за стойкой робот дождался, пока послушник займет положенное место, вновь активировал лазерную решетку в коридоре и незамедлительно приступил к отработанной годами процедуре прощания с достигшими совершеннолетия выпускниками:

– Нортис Вертинский, уведомляю вас, что сегодня тринадцатое декабря две тысячи семьсот первого года по старому земному календарю – ваш семнадцатый день рождения. По общегалактическому закону под номером триста четырнадцать, третий параграф, лица человеческой расы, достигшие семнадцатилетия, признаются полностью совершеннолетними, имеют полное право на самостоятельное принятие решений и получают все гражданские права. Дирекция приюта с радостью поздравляет вас с достижением совершеннолетия и желает успеха. Наши поздравления новому гражданину Астероид Сити, – никакой праздничности в голосе привратника не ощущалось: примитивный голосовой модуль просто не мог изменять интонации и выражать эмоции. – Уведомляю, что с сегодняшнего дня, вы выходите из-под опеки двенадцатого дробь семь муниципального приюта Астероид Сити и обязаны покинуть его территорию. Все ли вам понятно, гражданин Нортис Вертинский?

– Да, – безразличным голосом отозвался Нортис, разглядывая серый пластик стойки. – Прошу записать звуковой файл. Я желаю выразить свою искреннюю благодарность дирекции приюта.

Это тоже было давним ритуалом – выразить заведомо никому не нужную благодарность. Нортису было плевать на все традиции, обычаи и ритуалы, но он решил пойти проторенным путем, чтобы процедура прощания закончилась как можно скорее.

– Система готова к записи. Начинайте сразу после короткого сигнала, – незамедлительно отозвался привратник.

Нортис дождался короткого немелодичного гудка и сухо произнес:

– Благодарю дирекцию приюта за поздравления. Гражданин Нортис Вертинский благодарен за все усилия, что были затрачены на мое воспитание. Конец сообщения.

– Сообщение принято, – сухо сказал робот и одним небрежным жестом манипулятора переместил записанное звуковое сообщение из базы данных прямым в мусорную корзину. Руководство муниципального приюта не желало тратить свое драгоценное время на выслушивание благодарностей от очередного сироты-неудачника. – Гражданин Вертинский, готовы ли вы к дальнейшему получению информации?

– Да, готов, – сухо кивнул калека.

– На каждого оставшегося сиротой ребенка, что попадает под опеку приюта, Галактбанк выделяет четыре тысячи кредитов, так называемый *социопад*, который тратится на начальное образование, медицинские услуги и оплату рабочих пакетов по выбранной специальности до третьей категории включительно. По достижению совершеннолетия воспитанника оставшаяся на балансе сумма, переходит в его личную собственность. Все ли вам понятно, гражданин Нортис Вертинский?

– Да, все понятно.

– Уведомляю, что на вашем балансе осталось сто семнадцать кредитов ровно и в течение трех минут они будут перечислены на ваш личный счет в Галактбанке. По закону приют обязан предоставить полный отчет о затраченных денежных средствах. В течение минуты отчет в электронной форме поступит на ваш браском в раздел «*входящие документы*» с пометкой «*важно*». Рекомендуем внимательно изучить эту информацию. Правление Астероид Сити, в свою очередь выделяет вам триста кредитов, которые так же будут перечислены на ваш личный счет, без каких-либо дополнительных условий. На этом финансовая часть процедуры закончена. Все ли вам понятно, гражданин Нортис Вертинский?

– Да, понятно, – ровно ответил Нортис.

Закреплённый перед калекой на специальном поручне платформы браском коротко пискнул, уведомляя о получении нового сообщения, на маленьком экране замигала пиктограмма непрочтенного письма.

– Обычно все выпускники приюта получают профессиональную специализацию не ниже третьей категории. Оплата рабочих пакетов, производится на деньги из *социопада*. Ваш случай не попадает в эту категорию – размер *социопада* не позволял приобрести рабочий пакет выше пятой категории. Судя по отметке, вы получили уведомление, что большая часть суммы ушла на оплату специальных медицинских услуг по протезированию и имплантации для восстановления некоторых жизненно важных функций вашего тела. Состояние вашего тела является еще одним ограничивающим фактором для получения большинства профессий. Дирекция приюта приняла решение использовать оставшиеся на счету деньги для оплаты рабочего пакета пятой категории. Рабочий пакет уже отправлен в ваш браском. Все коды активации прилагаются в дополнительном письме. У вас есть три дня на усвоение материала, после чего вы должны сдать квалификационные тесты в любой кабине ЭкзТерма. Ваша будущая специализация – чистильщик биологических отходов. Поздравляем с выбором профессии, гражданин! Любая профессия важна! Любая профессия нужна! Все ли вам понятно, гражданин Нортис Вертинский?

– Да, мне все понятно.

Браском вновь запищал, на панели замигала пиктограмма, сигнализирующая о загрузке большого объема данных из информационной сети. Все правильно – рабочий пакет *весил* немало. Нортис обеспокоенно взглянул на счетчик сетевого баланса – подключение к *Юниверс-нет* стоило денег, но облегченно выдохнул: трафик оплачивал приют. И за это спасибо.

– Немного дополнительной информации. Напоминаю, что в ваш браском добавлены справочники на различные тематики, карта двенадцатого и одиннадцатого секторов купола, список бесплатных номеров для связи с органами правопорядка и прочих муниципальных служб. Дирекция приюта с пониманием отнеслась к вашей ситуации с ограниченной функциональностью тела и снабдила ваш персональный браском голосовым модулем управления.

Робот сделал паузу и перевел объектив камеры на Нортиса.

– Я выражаю глубокую благодарность дирекции приюта, – вынужденно процедил Нортис, мимоходом бросив взгляд на пустой рукав комбинезона на месте правой руки. На этом его увечья не заканчивались. Оранжевый комбинезон скрывал многочисленные шрамы и рубцы, оставшиеся после событий десятилетней давности и последующих операций по вживлению стабилизирующих его состояние, имплантатов. Лицо испещряла сетка уродливых вздутых шрамов, левая глазница прикрыта куском медицинского пластика. Но самое главное увечье Нортиса заключалось в отсутствии обеих ног до середины бедер. Он передвигался с помощью специальной платформы, снабженной блоком управления, парой резиновых гусениц и слабеньким электромотором, позволяющим развить скорость медленно идущего человека. Нортис управлял платформой с помощью разъема на затылке, откуда выходил толстый черный провод, сбегал вдоль его позвоночника и скрывался в блоке управления платформой. Сейчас семнадцатилетний калека был глубоко благодарен давно умершему отцу, что тот все таки сумел преодолеть сопротивление матери и настоять на имплантации сыну затылочного гнезда, когда у семьи промышленных космобиологов еще были деньги.

Ограниченная функциональность тела... Вот значит, как это теперь называется... Приютские дети подобрали более короткое, но от этого не менее емкое выражение – калека. Живой обрубок. Урод.

– Гражданин Нортис Вертинский, есть ли у вас вопросы или пожелания? – для протокола спросил робот.

– Нет, – четко ответил Нортис.

– На этом процедура прощания закончена. Дирекция приюта желает вам удачи и процветания.

Встроенный в стену дверной механизм заурчал, и внешняя дверь лениво поползла вверх, открывая выход на двенадцатый сектор Астероид Сити. Активировав платформу, Нортис выехал наружу и попал в широкий коридор, обшитый листами дешевого пластика.

Привратник, скрипнув сервоприводом, развернул треугольную голову к Нортису:

– На правах рекламы. Фирма МедКорп, всегда готова купить любые органы человеческого тела. Великолепные цены! Изъятые органы гарантировано заменяются имплантатами с трехлетним ресурсом работы! Продай печень и получи в подарок...

– Не интересует, – оборвал Нортис привратника, развернулся и направился к мигающей надписи «Выход». Автоматические двери раздвинулись, открывая грязную кабину лифта.

«Фирма МедКорп готова купить любые органы», – передразнил Нортис привратника презрительно скривив губы. Этот вариант ему не подходит по очень простой причине – МедКорп скупала органы по дешевке, едва ли не оптом, наваривая на перепродаже до пятисот процентов чистой прибыли. Эту информацию Нортис почерпнул из инфо-сети, на одном из форумов, который еще не успели прикрыть цензоры. Тогда как на черном рынке, органы можно продать в несколько раз дороже на тех же условиях – замена изъятого органа имплантатом с трехлетним ресурсом работы и двадцать четыре часа на реабилитацию после операции, под присмотром специалиста. Неплохо! Единственным имуществом Нортиса было его собственное покалеченное тело, и он собирался распорядиться им с умом.

Кивнув своим мыслям, Нортис вдавил кнопку лифта с полустертой стрелкой направленной вниз. Следует поторопиться. До вечера надо успеть сделать кучу дел. Сегодня он впервые за десять лет покинул стены приюта и впервые за столь долгий срок мог сам принимать решения. Прислушавшись к своему внутреннему состоянию, Нортис констатировал, что абсолютно спокоен и готов приступить к выполнению плана. Такое состояние его более чем устраивало.

Нортис точно знал, куда он сейчас направится. Последние десять лет он тщательно готовился, по крупицам собирал могущую оказаться полезной информацию, подготавливая себя к выходу в мир. Маршрут давно уже был забит в браскоме равно как и необходимые адреса.

Первым в списке стоял адрес продавца дешевых ЖИЛМОДов, затем следовал номер браскома, по которому можно выйти на подпольного хирурга.

Недолгий спуск на два этажа ниже, проехать через короткий коридор, стены которого густо покрыты рекламными плакатами и граффити, и окажешься на центральной магистрали двенадцатого сектора.

2

Едва двери сомкнулись, и кабина опустилась на полметра, Нортис тут же заблокировал лифт, убедился, что висящая в углу наблюдательная камера разбита и занялся самым неотложным делом – настройкой браскома. У этого компактного чуда существовало много не учтенных, но от этого не менее полезных возможностей. Дотянувшись до небольшой прямоугольной панели в корпусе платформы, Нортис открыл ее и выудил из открывшейся ниши длинный провод и нечто, больше всего напоминающее беспорядочно перепутанный клубок из проводов, компьютерных плат и чипов. Но на самом деле это был разветвитель потоков, собранный Нортисом лично, из того электронного хлама, что удалось обнаружить в стенах приюта. Пристальный взгляд техника-профессионала смог бы вычленил детали от электронных замков, пару туннельных процессоров из начинки робота-уборщика, миниатюрную батарейку из говорящей куклы, куски разноцветных проводов и довершающий это технологичное безумие штрих – несколько витков толстой изоляционной ленты, что используется для герметизации пробоин.

На создание этого устройства у него ушло два месяца кропотливой работы. Но результат стоил затраченных усилий – по идее разветвитель позволит ему управлять сразу несколькими устройствами при помощи имплантированного затылочного разъема. Схему устройства и программный код он вытащил из старой инфосвалки на одном из сетевых порталов, находящихся в общественном доступе. Главное – знать, где искать. В теории все выглядело более чем неплохо, осталось проверить на практике. Осуществить проверку в приюте не было возможности – камеры наблюдения торчали из каждого угла, исправно передавая картинку охранникам. И если возню с электронными деталями роботы принимали благосклонно, считая ее путем самосовершенствования и получения новых рабочих навыков, то любые непонятные действия с собственным телом проходили по категории саморазрушения и психологического отклонения, к коим относилось практически все, включая нанесение татуировок, прокалывание кожи для пирсинга и еще много, много чего – больше сорока страниц с текстом, набранного мелким шрифтом в толстой книжке с воодушевляющим названием «Права, обязанности и запреты для воспитанников муниципального приюта». Раздел, перечисляющий права сирот, полностью поместился на двух заключительных страничках.

Мысленно скомандовав платформе перейти в режим сна, Нортис осторожно извлек из затылочного разъема управляющий кабель и отложил в сторону. Действовать приходилось одной рукой, но за прошедшие десять лет, он уже привык рассчитывать лишь на нее. Подсоединив дополнительный провод к браскому, другой его конец Нортис вставил в разветвитель. Следом пришла очередь от управляющего платформой кабеля. Готово. Платформа и браском оказались связаны в одно целое. Если Нортис ничего не напутал в программном коде, то он сможет использовать их одновременно, при помощи имплантированного в мозг процессора. Осталось самое сложное – вставить в затылочное гнездо, собранный буквально на коленке разветвитель и постараться при этом не сжечь себе мозги. Длинный стержень разъема легко вошел внутрь гнезда и с отчетливым щелчком зафиксировался. В затылке резко кольнуло, накатило чувство тошноты, и неподвижно застывший калека приготовился к худшему.

Спустя пять долгих минут боль медленно начала стихать, да и содержимое желудка уже не так рьяно просилось наружу. Похоже, обошлось. Увидев, как на панели управления платформой зажегся зеленый индикатор, парень облегченно вздохнул – полдела сделано, разветвитель работал. Для уверенности он попробовал сдвинуться с места, и платформа послушно проехала на шаг вперед, мгновенно отозвавшись на мысленный приказ. Действует. Осталось дождаться связи с браскомом. На это ушло еще две минуты томительного ожидания, но оно того стоило.

Браском коротко пискнул, на сенсорном экране появилось лаконичное сообщение:

Обнаружено новое устройство. Произвести установку? Да\Нет

Выбрав утвердительный ответ, Нортис стал ждать продолжения. Ненадолго задумавшись, браском вновь запищал и вывесил красную табличку предупреждения:

Внимание! Устройство не сертифицировано! Вы уверены, что хотите продолжить установку? Да\Нет

Это сообщение Нортис ожидал и, не задумываясь, согласился продолжить установку. Какие могут быть сертификаты, если он самолично собрал устройство и написал для него программный код?

На этот раз все получилось, хоть и с недовольным скрипом, но браском установил связь с разветвителем и дал допуск. Для проверки Нортис через затылочный разъем поиграл с меню настроек и убедился, что имеет полный удаленный контроль над браскомом. Кабельное соединение это конечно дикий анахронизм, но самый примитивный беспроводной коннектер стоит столько кредитов, что остается лишь завистливо облизываться.

Неважно. Главное – разветвитель работает. Теперь можно отправляться по первому адресу из длинного списка.

3

Гусеницы платформы вновь пришли в движение и повлекли своего хозяина к центральной магистрали двенадцатого сектора. Чем ближе к центру, тем больше становилось пластиковых афиш с рекламой НЭПР – «Новая эра промышленного развития!», «Растет НЭПР – растешь и ты!», «У работников НЭПР обеспеченное будущее!». Часть рекламных плакатов была сорвана или покрыта ругательствами в адрес компании – внешники не питали любви к компании, хотя дышали ее воздухом и пили ее воду. Весь Астероид Сити безраздельно принадлежал НЭПР. До последней ржавой заклепки в куполе.

Гусеницы несли Нортиса вперед, легко преодолевая усыпавший пол разнообразный мусор и объезжая самые крупные обломки и мешки. Чего здесь только не было – одноразовые использованные дозеры с мутными разводами крови на прозрачном пластике, сплюснутые пластиковые бутылки, куски разбитых и заржавевших механизмов, гниющие пищевые отходы и пустые коробки от пайков... Все это месиво с хрустом исчезало под широкими гусеницами. Нортис вновь похвалил себя, что десять лет назад выбрал громоздкую платформу, а не более удобное инвалидное кресло с тонкими колесами, годящимися лишь на езду по ровной чистой поверхности и пасующие перед любым ничтожным препятствием.

Большая часть светильников давно вышла из строя, погрузив целые участки коридоров и отсеков в темноту. Некоторые боковые коридоры, ведущие в служебные помещения сектора, были наглухо перекрыты мелкоячеистыми решетками. И решетка была стальной – глубоко уходящие в стены мощные прутья толщиной с палец взрослого человека. Хотя семнадцатилетний калека никогда не покидал пределов приюта, благодаря городской инфо-сети он знал причину, по которой правление сектора приняло эту меру безопасности – крысы. Огромные крысы-мутанты, прочно обжившие сырые вентиляционные системы и пустующие помещения. Плодившиеся и мутирующие с невероятной скоростью.

Нортис проехал мимо скрипящего от ржавчины рабочего робота, ставящего латки на прохудившуюся трубу канализации. Рядом с ним стоял сгорбленный старик в потрепанном комбинезоне, настороженно смотрящий на Нортиса – пусть старый, но функционирующий робот являлся неплохой поживой для многочисленных подростковых банд и одиночек. Вид безобидно выглядящего однорукого и безногого инвалида передвигающегося на платформе, успокоил старика и тот отвернулся, сосредоточившись на своей работе. Нортис напомнил себе, что и его платформа может приглянуться кому-нибудь достаточно сильному, чтобы вытряхнуть покалеченного парня на пол и забрать ее себе. Нашупав торчащую за поясом комбинезона рукоятку хорошо заточенной отвертки, он немного успокоился. Надо поскорее выбираться из малолюдных периферийных коридоров. Поморщившись от исходявшего из дырявой трубы запаха, Нортис увеличил скорость и поспешил удалиться. Трубопроводы давно изнашивались и требовали замены. Их не меняли с тех пор, как возвели купол, – а это без малого двести лет.

Каждый из двенадцати секторов Астероид Сити, находился на самообслуживании – НЭПР следила лишь за системами очистки воздуха и состоянием купола. Все остальное находилось в руках правления секторов. Вот только на внешнее кольцо всем было наплевать. Здесь обитали калеки, нищие, изгнанные за преступления из других секторов и, конечно же, мутанты, родившиеся уже здесь и еще в утробе матери, получившие дозу космической радиации. Чем ближе к внешнему кольцу, тем больше уровень радиации. В элитном, предназначенном для правления первом секторе, радиация не превышала норму, тогда как во внешнем двенадцатом, уровень зашкаливал. Если окажется, что все население двенадцатого сектора умерло, никто не расстроится. Нортис потратил месяцы на тщательный сбор информации из всех доступных источников. Ему предстояло выжить в этом аду и осуществить свою цель.

Цель, к которой он стремится вот уже без малого десять лет.

Цель, которую он приобрел взамен утраченных конечностей, когда лазерная решетка измельчителя безжалостно прошла по семилетнему ребенку, превратив его в уродливого калеку.

4

До мигающей рекламной надписи “ЖилМод Рамиреса”, несколько косо висевшей над входом в боковой коридор, Нортис добрался без приключений. Лишь один раз, он привлек к себе внимание рывшихся в мусоре подростков, но их было всего трое и напасть они не решились.

Проехав через давно нуждающиеся в покраске раздвижные двери, парень подъехал к невысокой стойке, за которой сидел непомерно жирный Рамирес – хозяин всего заведения. Нортис не был с ним знаком лично, но у него имелось подробное описание Рамиреса, полученное от Непоседы – считай единственного друга в приюте. Непоседа попал в приют в возрасте четырнадцати лет, когда его загребла полиция, поймав в тот момент, когда этот тощий ирландец – по крайней мере так утверждал сам Непоседа – пробрался на продуктовый склад через вентиляционную трубу. Непоседа вырвется из приюта лишь через полгода, но за проведенное вместе время, он успел рассказать другу достаточно много полезной информации о внешнем секторе. Жирный Рамирес был частью этой информации. По словам Непоседы, знавшего толстяка лично, Рамиресу можно было доверять, а на территории его ЖилМода можно было спокойно спать без боязни оказаться на утро с перерезанной от уха до уха глоткой.

Подъехав вплотную к стойке, Нортис взглянул на хозяина снизу вверх и начал разговор, сразу перейдя к главному:

– Мне нужен модуль сроком на неделю.

– Да хоть на месяц, – безразлично буркнул Рамирес неожиданно тонким голосом, окинув парня холодным взглядом заплывших жиром глаз. – Четырехместный модуль, холодная вода постоянно, горячая два раза в день. Выхода в сеть нет. Терминала нет. Два кредита в день, предоплата вперед.

– Мне нужен отдельный модуль. Никаких соседей. Наличие подключаемого к браскому терминала обязательно, равно как и неограниченный траффиком выход во внутреннюю инфосеть города.

– А может сразу и аппарат планетарной связи установить? – иронично спросил Рамирес, но видя, что странный клиент не реагирует на шутки, перешел к делу. – Есть и отдельный. Экран не проблема. Связь будет. Пятнадцать кредитов в день. Предоплата вперед.

– Пятнадцать кредов в день? – переспросил Нортис. – Дорого. Согласен на десять.

– За десять ищи в другом месте, – безразлично пожал плечами толстяк и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

– Мой друг просил передать тебе пару слов.

– Ну? – насторожился Рамирес, опуская правую руку под стойку.

– Он просил передать, чтобы ты не забывал про старый должок за те коробки с фруктовыми консервами, – произнес Нортис заученную фразу, стараясь при этом держать свою единственную руку на виду. Кто знает, что за штуковину прячет толстяк за стойкой. Как минимум гражданский игольник или станер.

– Консервы? Какие еще... А! Капито! Узнаю Непоседу, чтоб ему дышать одним вакуумом, – рассмеялся толстяк. – Знаешь этого рыжего бандита?

– Знаю, – кивнул Нортис. – Мы познакомились в сиротском приюте. Ему еще пять месяцев до семнадцатилетия.

– Ну, тогда это другое дело. Непоседа умеет выбирать друзей. Согласен на десять кредитов в день.

– Спасибо, сэр.

– Да ладно тебе сэркать. Друг Непоседы и мой друг. Зови меня просто – Рамирес. Понял?

– Понял. Просто Рамирес, – послушно кивнул Нортис, осторожно улыбаясь.

Рамирес сноровисто набил несколько строк на утопленной в столе клавиатуре и протянув Нортису сканер, скомандовал:

– Ну-ка, приложи браском к этой штуковине.

Нортис с готовностью вытянул руку, сканер издал мелодичный звон, показывая, что получил требуемую информацию для регистрации и Рамирес убрал его обратно за стойку. Одновременно с этим, браском пискнул и вывесил сообщение с просьбой подтвердить перевод семидесяти кредитов на счет Рамиреса. Не задумываясь, Нортис подтвердил денежный перевод. Заодно с грустью посмотрел на жалкую сумму на своем счету – триста сорок семь кредитов. Негусто. Даже для самого дешевого городского района.

– Нортис Вертинский. Семнадцать лет. Профессии не имеет, – прищутив глаза, прочитал толстяк появившуюся на вирт-экране информацию. – Ну, рад познакомиться Нортис. Держи свой ключ. Твой модуль под номером одиннадцать. Располагайся. Это... ты сам то справишься? – несколько неуверенно спросил Рамирес, намекая на ущербность калеки.

– Справлюсь, – уверенно ответил Нортис. – Спасибо сэ..., Рамирес.

5

Жилой модуль представлял собой более чем скудно обставленный узкий пенал шириной в два и длиной в три метра. Из обстановки имелась пристегнутая к стене узкая койка, в углу за шторой скрывался душ, совмещенный с туалетом, и самое главное – на стене перед койкой висела панель терминала, приглашающе помигивающая зеленым индикатором. Над кроватью нависала небольшая полка, с которой свисал угол грязного полотенца. Похоже, Рамирес поспешил на приобретение робота уборщика. С трудом протиснув платформу через дверной проем, Нортис въехал в свое новое жилище, небрежно бросил тощую сумку с вещами в угол и сразу устремился к терминалу.

Включив терминал, он с трудом дождался пока появится и стабилизируется вирт-экран и первым делом проверил соединение с внутренней инфо-сетью. Соединение присутствовало и, судя по появившемуся вместо счетчика знаку бесконечности, лимита не имело. Толстый Рамирес не обманул. При помощи браскома Нортис мог и сам получить соединение с сетью, но на это уйдет еще несколько столь нужных для других целей кредитов. Если есть возможность получить безлимитный выход в сеть в общем пакете услуг от ЖилМода Рамиреса, то надо этим пользоваться.

Подключить к терминалу браском и вывести на большой экран список адресов было делом двух минут и вскоре Нортис нашел нужную строчку, отмеченную красным. Этот адрес Нортис нашел в сети самостоятельно, еще когда находился в приюте, но проверить все до конца мог только сейчас – все исходящие и входящие в приютскую сеть звонки и сообщения отслеживались дирекцией и она несомненно заинтересовалась бы с чего это их воспитаннику вздумалось звонить такой личности как доктор Люмбери. Непоседа подтвердил найденную информацию, но предупредил, что полностью доверять доктору не стоит. Ходили слухи, что некоторые его пациенты бесследно исчезают. Ничего конкретного – просто слухи, но слухи упорные. Учитывая, что во внешнем секторе слухи достаточно достоверны, есть о чем задуматься. Хирургическому роботу требуется самое большее полчаса, чтобы разобрать человека на отдельные составляющие, а такой робот, пусть и не самой последней модели, у доктора имелся, если верить онлайн рекламе его лечебницы.

У Люмбери была собственная частная лечебница, представляющая собой единственное помещение, чуть побольше чем стандартный жилой модуль. За умеренную плату, доктор лечил больных в двенадцатом секторе, но не это было его основной статьей дохода. Доктор Люмбери был напрямую связан с черным рынком по торговле человеческими запчастями и имплантатами. Он мог достать любую часть тела, любой имплантат, только плати.

С деньгами у Вертинского туго, но ему было что предложить доктору Люмбери за его услуги.

Разветвитель работал превосходно, и Нортис проделал всю работу не пошевелив даже пальцем, пользуясь лишь возможностями затылочного гнезда. На вирт-экране замелькали, сменяя друг друга, окна программ, и через две минуты на почтовый адрес Люмбери ушло лаконичное сообщение:

Привет, доктор. Есть качественный товар. Если заинтересован в сделке, жду тебя в приват чате. Я онлайн. Мой ник: Калека.

Теперь осталось только ждать. Оставив окно чата активным, Нортис спокойно принялся разбирать сумку и укладывать вещи на висящую над кроватью полку – благо, она была расположена достаточно низко.

Если Люмбери клюнет на наживку, то вскоре выйдет на связь самостоятельно. Если решит, что это подстава, то поделаться нечего – он ляжет на дно и не отреагирует на повторное сообщение. На такой случай, Нортис припас еще несколько похожих адресов, но ни один из

них не был сравним с Люмбери. Если к завтрашнему утру доктор не выйдет на связь, то он отправит аналогичное сообщение другому адресату.

Переходить к следующему адресу не пришлось. Не прошло и десяти минут с отправки сообщения, когда окно чата звякнуло и на экране высветилась короткая фраза:

Огавиж: Я тебя знаю? Что за товар?

Ключнул. Хмыкнув, Нортис выждал несколько минут и лишь затем отбил ответ:

Калека: Нет, не знаешь. Товар качественный, тебе понравится. Перечислить список сейчас?

Огавиж: Нет. Товар еще в родной упаковке?

Поначалу Нортис замешкался, не поняв сути вопроса, но затем догадался, что Люмбери интересуется извлечены ли уже органы из тела или еще находятся на прежнем месте. Если органы извлечены кустарным способом – например грубо вырезаны мясницким тесаком и помещены на лед – то их стоимость резко падает.

*Калека: Да. Не беспокойся, это мой **личный** товар.*

Огавиж: Понял. Встретимся у меня. Знаешь адрес?

Калека: Не пойдет. Встреча у меня. Или сделки не будет.

Огавиж: Почему?

Калека: Почему нет?

Огавиж: Товар надо распаковывать. У тебя есть соответствующие условия?

Калека: Нет. Тебе придется прибыть вместе с многоруким помощником.

Здесь Нортис уже импровизировал – под многоруким помощником, он имел ввиду робота-хирурга с его многочисленными манипуляторами. Рассчитанный на действия внутри тесных коридоров орбитальных станций и космических кораблей, робот отличался небольшими размерами и в сложенном состоянии представлял собой полутораметровый ящик белого цвета, свободно перемещающийся на небольших колесах. Такой робот мог с легкостью провести операцию по замене любого органа прямо на месте, без транспортировки пациента в операционную.

Информацию о технических характеристиках, Нортис заблаговременно выудил из сети, когда тщательно продумывал детали плана. Оказаться в числе тех, кто прошел через руки доктора Люмбери и затем необъяснимым образом исчез, ему не хотелось.

Огавиж: Нет. Слишком сложно.

Калека: Решать тебе. Мне договариваться с другим покупателем?

Огавиж: Подожди. Товар точно в родной упаковке?

Калека: Иначе не требовался бы многорукий помощник.

Огавиж: Внешний сектор?

Калека: Да.

Огавиж: Есть ли в предлагаемом ассортименте фильтр и мотор?

На этот вопрос Нортис ответил без малейшей задержки – Люмбери интересовало, будет ли он продавать печень и сердце. Вертинский даже знал как еще больше подсластить наживку для доктора.

*Калека: Да. Совсем новые. Пробеги всего **семнадцать лет**.*

Огавиж: Ок. Согласен на встречу у тебя. Где? Когда?

Нортис утер со лба выступившую испарину. Дело сделано. Люмбери на крючке. Правда, доктор теперь знает его возраст и может посчитать его неопытным юнцом. Придется обдумать гарантии сделки.

Калека: Через десять часов. Место: ЖилМод Рамиреса. Возможна сделка по обмену. Скинь мне ценники и список имеющегося товарозаменителя.

Огавиж: Ок. Так еще лучше. Сейчас переищу файл. До встречи.

Калека: До встречи...

Отправив последнее сообщение, Вертинский открыл сохраненную запись беседы и несколько раз внимательно прочел весь текст, не пропуская ни одного слова. Решив, что провел переговоры относительно неплохо, Нортис закрыл окно программы и, отключив браском от терминала, направился к выходу. Ему срочно требовалось побеседовать с толстым Рамиресом.

6

Вернувшись в свой модуль после короткой, но плодотворной беседы с Рамиресом, Нортис вновь подключил браском к терминалу и удовлетворенно хмыкнул – Люмбери уже отослал электронные таблицы со списком имеющихся у него имплантатов. Поставив файл на скачивание, парень подключил платформу к имеющемуся в отсеке источнику энергии для подзарядки – на его устройстве для передвижения стоял старенький накопитель, требующий подзарядки как минимум два раза в сутки. Иногда это вызывало определенные неудобства. Впрочем, за прошедшие десять лет, Вертинский привык к такого рода неудобствам.

Расстегнув связывающие его с платформой ремни и отключив от разветвителя управляющий кабель, Нортис с трудом перебрался на узкую кровать и с наслаждением вытянулся. перевел взгляд на экран браскома и убедился, что файл уже скачан и готов к просмотру. Этим он и занялся, не обращая на урчание желудка – перед предстоящей операцией Нортис не хотел набивать желудок, хотя в его сумке была еще не распакованная коробка с пайком, которую он выменял у одного из приютских подростков на пару новых казенных ботинок. Обувь ему без надобности, а коробка с пайком никогда не будет лишней. За десять лет пребывания в приюте, он успел совершить несколько таких сделок, выменивая нужные ему вещи и оплачивая услуги для которых требовалась грубая физическая сила – как например разрушение робота-уборщика, чтобы добраться до столь ценных туннельных процессоров. За эту услугу Нортису пришлось отдать совсем новенький комбез и собственный завтрак, но оно того стоило. Зато теперь разветвитель работает как надо и практически не греется.

Открыв полученный файл, Нортис углубился в чтение. Количество наименований и моделей поражало. Найдя последнюю таблицу с перечнем, юноша взглянул на последние строчки и изумленно присвистнул – последняя строка стояла под номером двести восемьдесят три. У доктора Люмбери оказался более чем неплохой запас имплантатов. Радость Нортиса быстро увяла, когда он обратил внимание на даты изготовления некоторых устройств – часть имплантатов была произведена больше тридцати лет назад. Поместить в свое тело давно исчерпавшее свои ресурсы устройство, мог только самоубийца. Нортису это не подходило.

Найдя меню “Поиск”, он выбрал опцию “Расширенный поиск” и в появившейся таблице, ввел устраивающие его данные и даты. Спустя минуту программа выдала сократившийся почти вдвое список. Нортис просмотрел перечень и, недовольно мотнув головой, опять полез в настройки, и исключил из перечня все модели, изготовленные из дешевого пластика и обычных металлов. На этот раз программа думала гораздо дольше, и следующий список включал в себя лишь полсотни наименований. Их объединяло одно – все показанные на экране имплантаты были покрыты тонким слоем артианита, загадочного металла. Хотя многие ученые с пеной у рта утверждали, что артианит это вовсе и не металл, а нечто среднее между камнем и металлом, и не исключено, что это вещество было создано искусственно. Нортиса интересовало лишь одно полезное свойство артианита – он был непроницаем для электромагнитных волн, этого бича всех электронных устройств. Именно поэтому, артианит стоил такие баснословные деньги, и именно поэтому этим металлом покрывали корпуса военных и исследовательских кораблей. Это было главное свойство артианита, но не единственное. Повышенная прочность, относительно легкая масса и полное отсутствие аллергических реакций делали этот загадочный металл материалом номер один для создания внутренних имплантатов.

Один импульс ГЭМВиса способен заставить корчиться в судорогах любого незащищенного имплантанта или киборга, напичканных дешевыми имплантатами. Нортис не хотел становиться одним из них.

Пристально изучив сильно укоротившийся список, Вертинский скопировал наименования выбранных имплантатов и сохранил их в отдельный файл. Ясно, что имплантаты не могли

попасть к доктору Люмбери законным способом. Возможно, он снял их с мертвых тел, возможно купил по дешевке у наркоманов, готовых продать любую часть тела за упаковку дозоров с наркотиком. Все возможно. Но Нортиса это не интересовало. Главное, чтобы эти устройства отработали еще несколько месяцев – для осуществления своей цели ему этого срока хватит с лихвой.

Отправив доктору Люмбери текстовый файл с выбранными имплантатами, Нортис поставил таймер будильника за час до уговоренного времени и попытался заснуть. Ему понадобятся все силы, чтобы перенести будущую операцию. Тело послушно расслабилось, но охватившее Нортиса возбуждение не давало ему уснуть. Вновь и вновь он заново переживал события далекого прошлого, когда потерял все – родителей, младшую сестру и большую часть своего тела...

7

Само по себе расположение станции “Перевал” было более чем удачным – аккурат рядом с воротами гиперперехода. Карликовая система, где находилась станция, могла похвастаться сразу тремя воротами и это означало постоянный поток самых разных судов – от патрулирующих этот сектор военных крейсеров и полицейских перехватчиков до стареньких контейнеровозов, перевозящих замороженные полуфабрикаты или руду. Перед тем как нырнуть в следующие ворота, экипаж зачастую нуждался в отдыхе, информации и развлечениях. Станция “Перевал” с радостью была готова предоставить все эти услуги за умеренную плату. Все пятидесятичное население станции жило на доходы от постоянно прибывающих кораблей.

Именно на этой станции, в семье космобиологов родился Нортис Вертинский, сын Алексея и Елены Вертинских. Самая обычная семья, ничем не отличающаяся от других.

Верный муж и заботливый отец Алексей Вертинский всю свою жизнь верил, что упорный труд и истинная вера в Бога – это единственный правильный путь. Он считал себя более чем счастливым человеком, получившим от этой жизни все, о чем мечтал. Красавица жена, непоседливый сын пусть с излишне мечтательным, но живым умом и его тайная любимица – кроха дочурка, едва перешагнувшая пятилетний рубеж. Как и его жена Настя, Алексей трудился на поприще космобиологии и этих денег хватало, чтобы оплатить счета, обеспечить всем необходимым растущих детей и изредка сводить жену в неплохой ресторан, где старый китаец повар готовил тающую во рту рыбу. Работа в оранжереях станции была нетрудной и приносящей радость – что может быть лучше зрелища наливающихся соком помидоров и тыкв. Когда пришло письмо от дирекции Астероид Сити с предложением пятилетнего контракта с более чем соблазнительными условиями, Алексей не торопился принимать предложение. Зачем? Ради более солидного оклада? Как говорили его далекие русские предки: «лучшие синица в руках, чем журавль в небе». Да и директор оранжерей не раз намекал на то, что своим приемником на этом посту видит именно Алексея. Еще пара лет и...

Дело решила жена, гораздо более честолобивая чем муж. Именно она уговорила Алексея принять заманчивое предложение и переехать в Астероид Сити. Уже через месяц, семья из четырех человек попрощалась с родной станцией и взошла на борт космического судна. Их ждала новая жизнь.

Семилетний Нортис навсегда запомнил свой первый полет в космосе. Пусть старенький грузовик “Астра” был давно уже устаревшей модели, но мальчишка был счастлив как никогда. За пять дней пути он излазил каждый закоулок пятисотметрового корабля, побывал в каждом отсеке и познакомился с каждым членом команды. Улыбчивый ребенок пришелся по душе даже суровому бородатому капитану, и тот позволил чертенку побывать в святой всех святых – пилотской кабине, где имелись две широкие обзорные панели, за которыми переливались миллионы звезд. Каждый вечер путешествия Нортис, захлебываясь от восторга, пересказывал родителям пережитые за день приключения, изображал как ходит вечно мрачный капитан, показывал выклянченные у команды сувениры...

Отец уже бывавший в космосе, снисходительно смотрел на возбужденного сына, одной рукой обнимая смеющуюся мать за плечи, а другой поглаживая по голове безмятежно спящую дочь.

Именно такими – счастливыми и смотрящими в кажущееся столь безоблачным будущее – Нортис их и запомнил...

Пронзительный звонок терминала бесцеремонно оторвал Нортиса от воспоминаний. На вирт-экране появилась машущая руками толстая фигурка в капитанской форме. Рамиресу не откажешь в чувстве юмора при выборе аватары. Мысленной командой Вертинский согласился принять вызов, и на экране появилось лицо хозяина ЖилМода.

– Спал? – осведомился Рамирес.

– Нет, так... задремал немного.

– Ну и ладушки. Я нашел подходящего человека. Думаю, она то, что нужно.

– Она? – переспросил Нортис, растирая ладонью лицо. – Женщина?

– Угу. Марлин. Та еще оторва.

– Ты уверен, что она справится?

– Марлин-то? Поверь, сынок, она справится. Тем более, у нее сейчас дела идут не очень, поэтому много не запросит.

– Верю. Когда она сможет появиться? Надо успеть многое обсудить.

– Марлин уже здесь – ждет на входе. Звать? – невнятно спросил толстяк, запихивая в рот сэндвич.

– Да, зови. Спасибо, Рамирес. С меня причитается.

– Должен будешь, – отмахнулся толстяк и отключил связь.

Секунду подумав, Нортис решил остаться в постели. Подсунув под спину подушку, Нортис оперся о стену и прикрыл обрубки ног краем одеяла. На этом приготовления к встрече были закончены.

Когда послышался зуммер, Вертинский нажатием кнопки дал команду разблокировать дверь, и она с легким гулом сервопривода ушла в стену. В комнату вошла девушка и, остановившись у входа, внимательно осмотрела комнату и ее хозяина. Нортис спокойно выдержал ее взгляд и, в свою очередь, тщательно осмотрел гостью. Марлин не казалась особенной. Темные волосы собраны в короткий пучок, слегка вздернутый нос, тонкие сжатые губы. Одета в привычную для внешнего сектора одежду – ярко оранжевый комбинезон с цифрой двенадцать на спине. Точно такой же был на самом Вертинском.

Еще одно хваленое гражданское право в действии. Каждый гражданин имел право получить от правления один бесплатный комплект верхней одежды в год – комбинезон на липучках и тяжелые рабочие ботинки. Люди преуспевающие этим правом не пользовались – кому охота ходить словно инкубаторский цыпленок да еще и с номером на спине? У нищих такого выбора не имелось. По пути к ЖилМоду, Нортис видел на что способна фантазия людей, желающих иметь свою индивидуальность, но не имеющие на это средств. Они старались украсить то, что имели: вышитые проволокой узоры, заклепки, нашитые разноцветные ленты, цепочки, оторванные по плечи рукава, многочисленные значки и эмблемы... Свободный полет фантазии.

Появившаяся в комнате Нортиса девушка, подобными комплексами не страдала – ее комбинезон был начисто лишен всех украшательств, зато подогнан по фигуре, чисто выстиран и поглажен.

В общем Марлин никак не походила на того, в ком нуждался Нортис – человека, обладающим суровой внешностью и бойцовскими навыками, готовым позаботиться о том, чтобы доктор Люмбери играл по честному, пока сам Нортис будет под глубоким наркозом. Нортису требовался телохранитель, и худенькая девчонка никак на него не походила. С трудом подавив желание выставить гостью за дверь и набрать номер Рамиреса, Нортис заставил себя растянуть губы в улыбке и начать разговор:

– Ты Марлин?

– Точно. А ты Нортис?

– Да. Не обижайся... но ты уверена, что ты не ошиблась? Мне нужен телохранитель. Достаточно надежный, чтобы я мог доверить ему свою судьбу, пока сам буду валяться в отключке.

– Толстый Рам посвятил меня в детали, – кивнула девушка и ткнула ботинком в гусеничный трак платформы. – Твоя тачка?

– Мои ноги, – сухо ответил Нортис и замолк, не зная как реагировать. – у него не было опыта по найму.

– Сочувствую, – совсем не сочувствующим голосом отозвалась Марлин и переключила свое внимание на терминал, где крутилась реклама ЖилМода Рамиреса.

– Ты не ответила на мой вопрос, – стараясь держать себя в руках, произнес калека. – Ты телохранитель? Особых мускулов у тебя не заметно, значит, ты модернизирована?

– Я телохранитель и я модернизирована, – на этот раз, девушка смотрела ему в лицо. – И до тех пор, пока в моих имплантатах еще есть крохи энергии, я очень неплохой телохранитель. Могу скинуть на твой браском свое резюме и номер лицензии.

– Не надо, – отказался Нортис. – Рамирес верит тебе. Знаешь условия?

– Полная неделя найма, оплата двадцать кредитов в день. Я должна проследить, чтобы добрый доктор случайно не захватил “лишние” органы из твоей тушки и вставил все имплантаты на положенные места, ничего при этом не забыв. Правильно?

– Правильно, – кивнул Нортис и протянул руку. – Договор?

– Договор, – ответила Марлин, протягивая руку для рукопожатия. – Предоплата пятьдесят процентов – не хочу терять бабки, если на пятый день ты сдохнешь от аллергической реакции на препараты или истечешь кровью.

– Ок. Это справедливо. Денег на еще один жилой модуль у меня нет, – тебе придется жить здесь.

– Не проблема. Попрошу Рамиреса бросить на пол еще один матрас, – беззаботно ответила девушка. – Ты уж извини, но на маньяка-насильника ты как-то не очень смахиваешь.

– Извиняю, – невольно рассмеялся Нортис, не отрывая глаз от экрана браскома. – Подготовь контракт и вытяни руку с браскомом.

Девушка подчинилась, и вскоре оба компьютера синхронно пискнули. Счет Нортиса стал беднее на семьдесят пять кредитов, зато он стал обладателем заключенного по всем правилам контракта с уже поставленной электронной подписью Марлин. Добавив свою подпись, он отослал копию Марлин, и на этом официальная часть закончилась.

– Есть хочешь? – спросил Вертинский, увидев как Марлин косится на торчащий из сумки край коробки с пайком. Не дожидаясь ответа, он кивнул на сумку. – Возьми сама. Не стесняйся. Я подготовил паек как раз на такой случай – всю неделю тебе придется неотлучно провести здесь. Если конечно хочешь получить остальную половину денег, – улыбнулся юноша.

– А ты? – спросила девушка, доставая из упаковки один брикет и нетерпеливо вскрывая его.

– Нет, – покачал головой Нортис. – Перед операцией не стоит набивать желудок. Если не секрет, какая у тебя конфигурация?

– Секрет, – насторожившись, ответила девушка, откладывая в сторону початый паек. – А что?

– Ничего, – пожал Вертинский плечами. – Просто интересно. Не обращай внимания, я вообще очень любознательный...

Нортис спрашивал не из праздного интереса – он всегда интересовался всеми возможными схемами модернизации и киборгизации человеческого тела. Только тщательно подобранная конфигурация имплантатов позволит ему осуществить поставленную цель. Последние годы юноша скрупулезно отбирал нужную информацию, следил за рынком новинок и скачивал с сети бесплатные рекламные каталоги от крупнейших производителей имплантатов.

8

Позволив Люмбери начать обследование своего тела, Нортис воспользовался случаем и внимательно изучил доктора. Мужчина невысокого роста, с обширной лысиной, захватившей большую часть его головы и оставившая лишь несколько пучков волос у висков и на затылке. Крюковатый нос нависал над тонкими плотно сжатыми губами. Было в докторе что-то неприятное, заставляющее насторожиться и повнимательнее заглянуть в его бегающие глазки с нездоровым блеском. Тонкие пальцы Люмбери немного дрожали, но вполне уверенно крепили к телу юноши многочисленные датчики, тестеры и присоски, от которых отходили длинные провода скрывающиеся в чреве активированного робота хирурга. На выносной панели робота один за другим загорались зеленые огни, и чем больше их становилось, тем довольней начинал казаться доктор Люмбери.

Нортис всегда доверял своему внутреннему чутью и еще раз похвалил себя, что позаботился о телохранителе. С доктора станется взять больше чем предложено и при этом не заплачивать по счетам. Слишком уж он был скользким и при этом оставался приторно вежливым. Как водорослевое желе, что воспитанники получали в качестве десерта – противное, сладкое и склизкое.

Спустя долгих полчаса, в течении которых Нортис послушно выполнял команды доктора, а Марлин откровенно скучала, диагностика была завершена. Выдвинув из корпуса робота компактную клавиатуру, Люмбери в бешеном темпе застучал по клавишам, время от времени останавливаясь и задумчиво пожевывая нижнюю губу.

– Рад поздравить, юноша. Рад поздравить. – Люмбери оторвался от диагноста и повернулся к Нортису. – Все органы в великолепном состоянии. Ни малейших следов воздействия алкоголя или столь любимых молодежью наркотиков. Уровень радиации в норме, генетических сдвигов нет, равно как и болезней. Можно с уверенностью заявить, что вы абсолютно здоровы.

– Значит, мы договорились? – прямо спросил Вертинский, продолжая неподвижно лежать в переплетении медицинский проводов. – Сделка возможна?

– Несомненно, молодой человек, несомненно. Есть только одна небольшая проблема, – деланно огорчился доктор. – Отмеченные тобой имплантаты по стоимости многократно превышают стоимость предложенных органов. Я не могу позволить работать себе в убыток.

– Убыток? – усмехнулся Нортис. – Купленные у меня органы, ты перепродашь в несколько раз дороже! О каком убытке идет речь?

– Позвольте, юноша. Я работаю нелегально – моя врачебная лицензия, позволяет лишь заменять поврежденные органы на имплантаты равноценного значения. Но извлекать абсолютно здоровые органы... Если я попадусь на горячем, меня выкинут в открытый космос без скафандра! К тому же, я перепродаю органы гораздо дешевле официальной стоимости!

– Меня это волнует меньше всего, доктор Люмбери, – покачал головой юноша. – Свои проблемы решайте сами. Мы договорились или мне искать врача поговорчивей?

– Я не могу пойти на такие расходы, юноша. Просто не могу! – запричитал доктор и вывел на экран своего браскома список. – Взгляни на составленный тобой перечень – имплантат сердца модели 3X-1203, имплантат печени модели 3Z-8432! Пара почечных имплантатов 3W-4683! Имплантаты третьего уровня! Молодой человек! Это военные имплантаты с дополнительными функциями! Третий уровень! Теперь взгляните сюда – не много ни мало, артериальный протез правой руки, с дополнительными активаторами мускульных усилий и сервоприводами! Ну, ради всего святого, зачем тебе такие мощные имплантаты? Для нормального поддержания жизни организма за глаза хватит первого уровня! Понижь свой аппетит, и мы обязательно договоримся!

– Ваше право, доктор, – пожал плечами Нортис и нарочито неторопливо, начал освобождаться от датчиков и присосок. – Сожалею, что отнял твое время.

– Постой! Зачем же так торопиться?! – всполошился Люмбери. – Всегда можно прийти к обоюдному согласию!

– Доктор, тебе же сказали – не хочешь, не бери! – вмешалась Марлин. – Что непонятного? Вали отсюда, вместе со своим ржавым роботом!

Отлепившись от стены, девушка угрожающе шагнула к доктору, заставив того отшатнуться.

– Вали! Пока я твоему роботу все лапы не повыдергивала!

Нортис спокойно наблюдал за разгорающимся скандалом. Он и Марлин заранее обговорили все подробности предстоящего торга. Теперь Марлин старательно отыгрывала роль туповатого телохранителя, и доктор повелся.

– Мистер Нортис! Ой... то есть я хотел сказать – господин Нортис! Успокойте своего цербера! Ну, зачем вам искать другого покупателя, если я уже здесь?! Проявите благоразумие! Я согласен на все ваши условия с небольшими, даже крохотными дополнениями! Это все, что я хочу!

– Постой, Марлин, – юноша лениво поднял единственную руку, останавливая разошедшегося телохранителя. – Что за дополнения?

– Помимо органов у вас очень неплохая кожа, господин Вертинский, – произнес Люмбери, с опаской косясь на вновь отошедшую к стене Марлин. – Я бы даже сказал не кожа, а просто загляденье! Не думаю, что, пожертвовав парой лоскутов кожи в пользу бедного старого доктора, вы сильно огорчитесь!

– Пара лоскутов, не больше. Договорились, – кивнул Нортис, поморщившись от слащавого тона доктора. – Что еще?

– На рынке особенно ценятся органы воспроизведения со здоровыми семенниками...

– Нет, – калека решительно прервал доктора. – Не продается.

– Но позвольте, молодой человек – это неплохие деньги! Очень неплохие деньги! И заметьте – потеря столь незначительной части организма, никак не отражается на его жизнедеятельности!

– Я сказал – нет. Не хочу превращаться в миролюбивого кастрата с писком вместо голоса. Думаешь, я не знаю, чем грозит потеря гормонов тестостерона?

– Я дам необходимые таблеточки для поддержания гормонального баланса, – услужливо предложил Люмбери.

– Нет. Что еще интересует в моем теле?

– Скажем так, молодой человек, – замялся Люмбери. – У меня есть знакомый с десятого сектора... очень хорошо обеспеченный знакомый, и из-за некоторых обстоятельств ему срочно необходимы глаза. На крайний случай, хотя бы один хорошо видящий глазик...

– С «чистой» сетчаткой, – язвительно продолжил Нортис. – Доктор, это федеральное преступление. За такое сразу отправляют на добычу урана без разговоров. Одно дело нелегальная продажа органов и совсем другое – пересадка глазных яблок, чтобы обойти полицейские сканеры. Я прав?

– Ну откуда я могу это знать, юноша? – развел руками доктор. – Ведь я не спрашиваю у тебя, почему ты продаешь собственные органы? В моем бизнесе не принято задавать много вопросов.

– Меня это интересует по одной очень простой причине – моя сетчатка еще ни разу не попадала в полицейские базы данных. Я чист перед законом, и это автоматически повышает стоимость моего глаза в несколько раз. Не так ли, доктор Люмбери?

Нортис не ждал ответа от доктора – он уже знал ответ и был готов продать глаз – вопрос лишь в цене. Отдавать за бесценнок абсолютно здоровый глаз с не засвеченной сетчаткой не

хотелось. Пересадка «чистых» глаз была единственным способом обойти натканные повсюду полицейские сканеры.

– Возможно, – ушел от прямого ответа доктор и, заискивающе улыбаясь, добавил. – С вами приятно иметь дело. Думаю, мы обязательно договоримся. Так что насчет глазного яблока? Продадите старому доктору этот очаровательный карий глазик?

– Продам, – кивнул Нортис. – Когда узнаю предложенную цену. И что я получу взамен? Выработавший свой ресурс монохромный глазной имплантат? С телескопическими окулярами камер длиной пять сантиметров?

– О нет, молодой человек! Ни в коем случае! За кого вы меня принимаете? Добрый доктор Люмбери припас для вас настоящий технологичный шедевр!

Доктор суетливо набил на браскоме несколько команд, протянул компьютер к терминалу, и на вирт-экране появилось крутящееся изображение глазного имплантата. Люмбери горделиво повертел изображение имплантата в разные стороны, не забывая делать пояснения:

– Гражданская модель 2X-8504. Создана корпорацией Юкаши Индастриз. Имплантат поддерживает полный спектр цветов, предусмотрен встроенный блок инфравидения, две пары сенсорных линз, гарантийный срок работы десять лет – попрошу заметить, данный образчик проработал лишь три года. Пальчики оближешь! Да что тут думать, молодой человек?! Кто еще сможет сделать подобное предложение?

– Не пойдет, – отрицательно качнул головой Нортис. – Он сделан из обычных металлов и пластика. Меня интересуют имплантаты с артианитовым напылением и только. Сделаем так – я сам выберу подходящий мне имплантат. Согласен даже на монохромный, но с артианитовым напылением. Договорились?

– Договорились, господин Нортис, – закивал Люмбери. – Весь мой ассортимент к вашим услугам.

– Теперь поговорим серьезно, – Вертинский вывел на своем браскоме составленный список органов и продолжил. – Ты получишь от меня сердце, печень, почку, левое легкое и мой единственный глаз. Помимо этого, ты получаешь несколько приличных лоскутов кожи, десять единиц костного мозга. Правильно?

– Правильно, – с готовностью подтвердил доктор, возбужденно перебирая пальцами. – А как насчет пары сотен волосяных луковиц? Совсем немного.

– Волосяные луковицы? – на мгновение задумался калека. – Хорошо. Взамен я получаю отмеченные мною имплантаты с артианитовым напылением и протез правой руки. Операция по извлечению и замене произойдет здесь. Общий наркоз обязателен. Извлекать будешь по одному органу в день – я не хочу загнуться от химического передоза или болевого шока.

– Но это займет больше недели, – запротестовал Люмбери. – А как же моя практика? У меня много больных, требующих моего постоянного надзора! Кто возместит убытки?

– Прибыль, полученная тобой от продажи моих органов, с лихвой возместит тебе убытки. Доктор, последнее предупреждение – не пытайся прокатить меня.

– Хорошо, хорошо, господин Вертинский, – пошел на попятную Люмбери. – Договорились: по одному органу в день под общим наркозом.

– И постоянное подключение к реанимационному комплексу работа-хирурга, – добавил Нортис. – Искусственное питание и регенерационные смеси в полном объеме.

– И это тоже, – со скрипом согласился доктор. – Но зачем вы это повторяете, юноша? Старый доктор Люмбери уже все понял и горит желанием приступить к работе. Не нужно лишних слов.

– Я повторяю это для моего телохранителя, – пояснил Нортис и кивнул в сторону Марлин. – Она будет постоянно здесь и проследит, чтобы ты четко придерживался наших договоренностей. И последнее: я хочу настоящее сертифицированное средство для наркоза. Никаких

дозеров с дешевой наркотой или набодяженной смесью из крошенных таблеток Дистрола или Мегацитрела. Мне не нужна наркотическая зависимость.

– Должен заметить, что вы очень предусмотрительный юноша, – обреченно прошипел доктор, уже прикинувший немалую стоимость сертифицированных медикаментов. – Моя прибыль тает на глазах, господин Нортис. Еще пара таких уточнений, и добрый доктор Люмбери останется нищим.

– Не преувеличивай. Я знаю настоящую цену человеческих органов. Без прибыли ты не останешься. Так мы договорились по всем пунктам?

– Договорились, – подтвердил доктор. – Все будет сделано по высшему разряду.

– Марлин, ты все услышала?

– О да, – кивнула Марлин. – Даже записала на браском. Не волнуйся. Пока ты будешь в отключке, я прослежу за шаловливыми ручонками доктора.

– Попрошу вас! – вскинулся было Люмбери, но, наткнувшись на спокойный взгляд девушки, сник и кивнул головой. – Не волнуйтесь, юноша. Все будет в порядке. Можно приступать?

– Надеюсь, – пробормотал Нортис, уже сожалея о принятом решении. – Приступайте. Вот этот глазной имплантат, мне подойдет – монохромная модель 3X-1119, с артианитовым напылением.

– Согласен, – кивнул доктор, вполне довольный намечающейся сделкой. – Но должен предупредить, что могу гарантировать на него не больше шести месяцев стабильной работы. Потом начнется «рябь» и эффект кривого зеркала.

– Не важно, шести месяцев вполне достаточно.

– Ну... как говорят у ваших русских – хозяин господин.

– Хозяин барин, – поправил Нортис и обессилено откинулся на подушку. – Начинайте.

Покопавшись в принесенной с собой сумке, доктор достал оттуда некогда белый халат и небрежно накинув его на плечи, повернулся к роботу. Сухие пальцы запрыгали по панели, и с шипением робот пришел в движение. Верхняя крышка корпуса отошла, и оттуда появился десяток манипуляторов, оканчивающихся хирургическими инструментами и приспособлениями. Выудив из чрева робота несколько пластиковых трубок с иглами, доктор буднично воткнул их в руку Нортиса и пояснил:

– Наркоз, регенерационная смесь и подавители иммунитета. Сейчас ты заснешь. Ну-с, начнем-ка мы, пожалуй, с глазика – очень уж он у тебя симпатичный...

Комната завертелась перед глазами Нортиса, и он погрузился в сон, успев еще увидеть, как подъехавший к кровати робот тянет к нему свои блестящие щупальца. Похоже, сейчас он смотрел собственными глазами в последний раз. Когда к нему вернется зрение, то мир окрасится в зеленый цвет.

9

Грузовик «Астра» благополучно достиг Астероид Сити, и вскоре семья Вертинских попрощалась с командой и покинула корабль. Им предоставили под жилье два совмещенных жилых блока в восьмом секторе – в этом секторе преимущественно жили ценные специалисты третьей и второй категории. Чистый и спокойный восьмой сектор идеально подходил для жизни и воспитания детей. Первый день ушел на распаковывание немногочисленных вещей, знакомство с соседями по ярусу и ознакомление с цифровыми пакетами информации о будущем месте работы. Дети примеряли новенькие ярко синие комбинезоны с восьмеркой на спине и тяжелые ботинки.

На следующее утро Вертинские прихватили с собой детей – их попросту было не на кого оставить – и отправились на свой первый и, как впоследствии оказалось, последний рабочий день в оранжереях, что бесперебойно снабжали огромное население города пищей.

Большую часть рациона жителей Астероид Сити, составляли генетически измененные растения. Они были дешевы в производстве, росли достаточно быстро и отличались питательностью. Промышленные оранжереи города были наполнены многоярусными рядами пористых поддонов с однородным желто-зеленым месивом растений. Как объяснил Нортису отец, раньше эти растения выглядели совсем по-другому и росли в огромных соленых океанах расположенных на Земле – колыбели всего человеческого рода. Затем безбидными сине-зелеными водорослями заинтересовались биологи и изменили генетическую структуру растения, поставив его на службу людям.

Старшего Вертинского пригласили в Астероид Сити неспроста – на космической станции «Перевал» он зарекомендовал себя как специалист чрезвычайно высокого уровня. В последние месяцы Астероид Сити переживал серьезные проблемы с оранжереями – масса измененной хлореллы отказывалась делиться, не смотря на все усилия биологов. Нет водорослей – нет дешевых рабочих пайков, которые по карману жителям внешних секторов. Помимо снабжения пищей, хлорелла играла существенную роль в переработке углекислого газа в кислород. Непоправимой катастрофы пока не произошло, но правление Астероид Сити решило не тянуть с решением этой проблемы и переманило первоклассного специалиста Вертинского со станции «Перевал».

Алексей Вертинский не любил терять время попусту и вместе с помогающей ему женой приступил к сбору вялой хлореллы 2СН и соседствующей с ней спироулины 6РО. Учитывая размеры биомассы, требовалось не менее ста образцов пораженных болезнью водорослей. Поставленная перед Алексеем задача была ясна: узнать в чем проблема и устранить ее. Встретивший семью Вертинских представитель правления, недвусмысленно пообещал более чем щедрую премию в случае успеха и личную благодарность губернатора Астероид Сити.

Пока родители занимались отбором образцов водоросли для анализа, Нортис успел побывать в каждой части огромной оранжереи. Его воображение потрясли тянущиеся на сотни метров ряды растений, суевающиеся над водорослями роботы-сборщики, огромные трубы, по которым к водорослям нескончаемым потоком подавалась питательная смесь... Конечно, мальчишка уже много раз бывал в оранжереях станции «Перевал», но гигантские размеры оранжереи Астероид Сити невозможно было окинуть взглядом... А ведь это был лишь один блок из пятнадцати...

Медицинский робот при помощи датчиков и сенсоров, оценил состояние пациента как стабильное и удовлетворенно сверкнул индикаторами панели. Содержание успокаивающего препарата несколько превышало норму, и робот принял решение прекратить подачу лекарства на время, чтобы избежать химического шока. Уходящая в вену Нортиса пластиковая трубка опустела, и вскоре он пришел в себя.

Застонав, Нортис попытался открыть глаз и осмотреться, но с ужасом понял, что обе его глазницы пусты. Его окружала крошечная темнота. Он ослеп. Попытался ощупать лицо непослушной рукой, но ее перехватили. Послышался успокаивающий голос Марлин:

– Успокойся. Все идет нормально. Я контролирую ситуацию.

– Мой глаз... – прохрипел Нортис. – Я ничего не вижу.

– Тебе удалили глазное яблоко, – ответила девушка. – Установки имплантата еще не было.

– Почему? Почему еще не установили глазной имплантат? – запаниковал юноша. – Не хочу быть слепцом!

– Успокойся. Все своим чередом. Ты забыл, что твой имплантат еще не здесь? Когда этот слизняк Люмбери принесет его, я лично прослежу, чтобы первым делом тебе восстановили зрение. Верь мне, – девушка неожиданно ласково пригладила взъерошенные волосы юноши и пользуясь тем, что Нортис временно ослеп, сокрушенно покачала головой.

Замена шестидесяти процентов внутренних органов слишком опасна. Кто знает, о чем думал этот искалеченный парень, когда соглашался на это безумство,... но с такой разнокалиберной и не подогнанной искусственной начинкой жить ему останется недолго. Повезет, если он протянет полгода, а затем последует долгая и мучительная агония. Когда имплантаты выходят из строя и начинают конфликтовать, такому несчастному модификанту лучше выйти в открытый космос без скафандра, чем испытывать адские муки.

– Все будет хорошо. Успокойся, – еще раз повторила Марлин. – Засыпай. Тебе понадобятся силы для следующей операции. Засыпай...

Нортис вновь провалился в тяжелое забытие...

Убедившись, что юноша дышит, а на контрольной панели робота успокаивающе мигают зеленые огни, Марлин отошла в облюбованный угол и опустилась на постеленный жирным Рамиресом матрас. Входная дверь была надежно заблокирована – доктор вернется не раньше, чем через несколько часов. Учитывая ту поспешность, с которой Люмбери умчался прочь, бережно прижимая к груди контейнер с глазом Нортиса, у него намечалась неплохая сделка по продаже. Значит мальчишка угадал правильно – покупателю требовалась трансплантация глаза с «чистой» сетчаткой. Девушка вновь взглянула на бессвязно бормочущего Нортиса и уважительно качнула головой. Несмотря на юный возраст, голова у покалеченного парня работала очень неплохо. Кто же он такой? Почему выходец из приюта первым делом решил продать собственные органы и, тем самым, подписал себе смертный приговор?

На секунду задумавшись, Марлин тряхнула непослушными волосами и, активировав браском, вошла в городскую инфо-сеть. Ввести имя и фамилию в окне поиска было делом пяти секунд, и вскоре девушка пораженно уставилась на появившиеся в поисковике строчки. Нет, даже не строчки, а десятки кричащих заголовков:

«Зверское убийство семьи Вертинских!»

«Отец до последнего пытался защитить свою семью!»

«Кровавая бойня в оранжерее!»

«Кто ответит за смерть Вертинских?!»

«Начальник полиции клянется найти убийц!»

«Выжил лишь семилетний ребенок! Врачи борются за его жизнь!»

«Убийцы Вертинских среди нас!»

«Ребенок остался сиротой!»

«Полиция беспомощно разводит руками! Преступление все еще не раскрыто!»

Выбрав первую ссылку, ведущую на официальный новостной портал Астероид Сити, девушка оказалась в информационном архиве десятилетней давности. Немного покряхтев, браском пискнул и вывел на экран обширную статью с красочными изображениями – видно было, что кадры делал профессионал своего дела и, наверняка, с широкоформатными глаз-

ными имплантатами, поддерживающими несколько миллиардов цветовых оттенков. Первым делом Марлин просмотрела изображения и поморщилась – кровь была повсюду. Вот кадр захватил мертвое лицо мужчины, еще одно изображение крупным кадром показывало ничком лежащую женщину в разорванном на клочки комбинезоне – на спине угадывалась цифра восемь. Следующий кадр запечатлел настежь раскрытые створки контрольного люка в толстой трубе, по стенам которой стекали потеки крови.

Поняв, что фотографии не расскажут ничего интересного, девушка вывела на экран текст статьи и начала по диагонали его просматривать, стараясь ухватить суть и пропуская клятвенные заверения официальных лиц и причитания журналиста.

...Семья Вертинских зверски убита в четвертом блоке оранжереи... Чудом выжил единственный член семьи – Нортис Вертинский. ИИ города вовремя остановил конвейер питательной смеси и тем самым спас Нортису Вертинскому жизнь... Полученные невинным ребенком ранения ужасают даже опытных врачей. Хирургическое отделение восьмого сектора борется за жизнь Нортиса! ...Семилетний мальчик остался круглым сиротой. ... Пятеро неизвестных совершили разбойное нападение на мирно работающих биологов... Полиция отказывается предоставить журналистам видеозаписи с камер наблюдения. Начальник полиции, мистер Андерсон, дал короткое интервью и сообщил, что преступники скрыли лица масками. Скорей всего, их привлекла красота Елены Вертинской – жены и матери. Полиция подозревает выходцев из двенадцатого сектора. Как подчеркнул мистер Андерсон, этот сектор будет подвергнут жесточайшему контролю и обыскам. Виновные будут обязательно найдены и наказаны по всей строгости законов Астероид Сити!..

Спустя полчаса Марлин закрыла окно обозревателя и отключилась от инфо-сети. Теперь странное поведение Нортиса было более чем ясным и логичным. Девушка просмотрела результаты поиска по делу Вертинских: самая последняя попавшаяся ей заметка, начиналась заголовком: «Дело об убийстве семьи Вертинских сдано в архив». Убийц так и не нашли. Население города повозмущалось бездействием полиции и, как это всегда бывает, через несколько дней успокоилось и забыло. Не забыл только один человек – жестоко искалеченный ребенок – единственный, кто остался в живых после трагедии.

– Что же ты задумал, Нортис? – задумчиво пробормотала Марлин. – Что же ты задумал?

10

Когда Нортис вновь пришел в себя, то с облегчением обнаружил, что опять видит – выбранный им имплантат уже был установлен и действовал. Осторожно поведив головой по сторонам, юноша убедился, что глазной имплантат хорошо захватывает «картинку» и, не задерживая, передает ее по нервным окончаниям в мозг. Детализация была более чем удовлетворительной. Единственным недостатком новых «глаз» Нортиса было то, что имплантат монохромный. Теперь, он видел все в тусклом зеленом цвете, но на это неудобство калеке было наплевать.

Заметив, что парень пришел в себя после наркоза, девушка наклонилась над ним и участливо спросила:

– Как ты?

– Неплохо, – непослушными губами просипел Нортис. – Я снова вижу. Значит Люмбери уже вернулся?

– Ну конечно вернулся, – послышался слащавый голос доктора. – За кого вы меня принимаете, молодой человек? Я честный доктор, всегда выполняющий свои обязательства!

– Ага, – усмехнулась девушка. – А еще здесь остался твой драгоценный робот-хирург.

– Не будем спорить, – отмахнулся Люмбери, не отрываясь от выдвинутой из корпуса робота сенсорной клавиатуры. – Как вы себя чувствуете?

– Неплохо, – повторил Нортис. – Имплантат работает.

– И должен заметить – великолепно работает! Доктор Люмбери всегда делает работу на совесть! Думаю, про функциональность второго имплантата можно не спрашивать – все показатели в норме, устройство откликается на запросы тестера, конфликта и отторжения не обнаружено.

– Второй? – удивленно переспросил Нортис и тут же закашлялся – за долгие часы сна, гортань пересохла и почти не слушалась.

Марлин поспешно поднесла к его рту трубу с водой и, пока он маленькими глотками пил воду, пояснила:

– Тебе уже удалили сердце. Теперь ты работаешь на другом моторе, – Марлин указала на обнаженную грудь юноши.

Опустив голову к груди, Нортис увидел проходящий по его грудной клетке шов. Еще через миг, он с ужасом понял, что края раны не зашиты, а лишь небрежно скреплены несколькими скобками и густо залиты прозрачным медицинским гелем. При каждом вдохе шов расходился. Казалось, края глубокого разреза вот-вот раскроются.

– О, Господи, – судорожно прошептал Нортис и непроизвольно дернулся. – О, Господи.

Медицинский робот пронзительно запищал, на панели тревожно зажглось несколько желтых индикаторов. Уставившись на заполненный медицинскими показателями вирт-экран, Люмбери озабоченно пробормотал:

– Что такое? Ага... Выброс адреналина в кровь, вырос уровень тестостерона...

Проворные пальцы доктора забегали по клавиатуре, по пластиковым трубкам в вены Нортиса устремилась доза успокаивающего лекарства. Когда на панели робота вновь зажглись зеленые огни, доктор повернулся к калеке и удивленно спросил:

– В чем дело молодой человек? Нет причин для волнения – все имплантаты функционируют нормально. Отторжения не наблюдается. У доктора все под контролем.

– Почему шов открыт? – тихо спросил Нортис, стараясь не смотреть на развороченную грудь.

– Рано еще зашивать рану, – пояснил Люмбери. – Дело не закончено – чуть придешь в себя, и приступим к извлечению остальных органов и замене их на имплантаты. У нас впе-

реди много работы, господин Нортис. Очень, очень много работы для старого доброго доктора Люмбери...

– Доктор! – прервал Нортис излияния Люмбери. – Что насчет протеза для правой руки?

– Не надо спешки, молодой человек. Внешние модификации мы произведем в самом конце. Для начала надо убедиться, что все внутренние имплантаты прижились и самое главное – взаимодействуют друг с другом. Протез уже со мной, вот в этом милом контейнере, – доктор указал пальцем на пластиковый контейнер, небрежно поставленный у самой двери.

– Хорошо, – выдохнул Нортис. – Чего мы ждем?

Открытая рана на груди нервировала его и он просто жаждал поскорее закончить все операции. Теперь, когда он знал, что в его груди больше не бьется сердце, ему почему-то стало очень не хватать этого повседневного ритмичного стука... Безимпульсный имплантат работал бесшумно. На том месте, где раньше трепетало сердце, теперь беззвучно крутились две роторные помпы, гоня кровь по его венам.

– Надо отойти от наркоза, – пояснил Люмбери. – Ведь мы не хотим остаться в мире грез навсегда? Если ты не проснешься, боюсь, эта добрая девушка решит, что я недобросовестно отнесся к делу.

– Именно, – кивнула Марлин, откидывая с лица непослушную прядь волос. – Если он не выйдет из наркоза, для бедного доктора все кончится очень плохо.

– Успокойтесь оба, – устало произнес Вертинский. – Что насчет совместимости имплантатов? Насколько я помню, они от разных производителей. Не хотелось бы оказаться вместилищем для поля боя конфликтующих устройств.

Нортис неспроста задал этот вопрос – между производителями имплантатов, модификаторов и ксено-придатков, существовала жесточайшая конкуренция. Корпорации практически открытым текстом заявляли, что произведенные ими имплантаты не будут нормально взаимодействовать с устройствами конкурентов. Для Нортиса это означало большие проблемы – мало приятного, когда твои внутренности начинают междоусобную войну не на жизнь, а на смерть. Исход может быть только один – смерть несчастного, рискнувшего поставить себе начинку от различных производителей. Эта проблема была одной из причин, почему Вертинский настаивал именно на третьей категории искусственных органов – они преимущественно шли на военные нужды, и корпорации не рисковали саботировать такие устройства, боясь проблем с армией.

– Все предусмотрено, молодой человек, – Люмбери важно воздел палец к потолку. – Программные коды изменены, равно как и прошивка электронных чипов. Все работает идеально.

– Кто менял код? – спросил насторожившийся Нортис. Если неизвестный самоучка сбил заводские настройки, то имплантаты пойдут вразнос.

– Это абсолютно неважно, господин Вертинский, – не пожелал ответить доктор. – Проблем не будет, я гарантирую.

– Не пойдет, – качнул головой Нортис, сдвоенные окуляры имплантата уставились в лицо доктору. – Мне нужен открытый не закриптованный программный код, все ключи и пароли доступа к установленным в меня имплантатам. Иначе сделка отменяется.

– Господин Вертинский! Это невозможно, – всплеснул руками Люмбери, уже жалевший, что сболтнул лишнего. – Я не могу открыть вам имя программиста.

– Ты хотел сказать – кракера, – поправила волнующегося доктора, Марлин, внимательно прислушивающаяся к разговору. – Интересные у вас знакомые, доктор.

– Да какая разница! Пусть будет кракер! Не в названии суть! Повторяю, я не сдам имя взломщика! У меня тоже, есть свои принципы ведения дел!

– Не надо имен. Повторю – мне нужен полный программный код, ключи и пароли доступа. Не хочу подохнуть лишь потому, что ваш знакомый кракер ошибся в настройке имплантатов. Напомню – я согласился на чистый обмен моих органов на имплантаты с неболь-

шой денежной компенсацией. Молодые и не отравленные наркотиками органы в обмен на давно отработанные имплантаты. Единственный мой бонус – я получаю еще неизвестно как работающий протез правой руки! Про те жалкие кредиты, что перейдут на мой счет, можно не вспоминать – большая их часть уйдет на подавители иммунитета и стабилизаторы.

– Хорошо, – сдался доктор, раздраженно сверкнув глазами. – Все будет. Я не храню подобные вещи на браскоме или личном терминале – все лежит в архиве, на одном платном файловом хранилище в сети. Дам пароли доступа для скачивания архива. Пойдет? Но учтите, господин Вертинский – это моя последняя уступка!

– Пойдет, – удовлетворенно кивнул Нортис и, чтобы вернуть доктору хорошее настроение, небрежно добавил. – В виде компенсации за изменение условий можете взять еще несколько сотен волосяных луковиц и, скажем, немного крови.

– Договорились! – моментально согласился доктор Люмбери, вновь засияв улыбкой. – Чистая кровь, мне нужна всегда. Вот только придется подождать, пока в крови распадутся все лекарства, что я в тебя закачал. Ну-с, молодой человек, пожалуй, тебе пора спать. Доктор Люмбери, просто жаждет взглянуть на твою юную и не испорченную этими ужасными наркотиками печень, да легкое так и просится в мои руки!

Повиновавшись вбитой на клавиатуре команде, робот пришел в движение и развернулся к Нортису, в вены юноши потекла очередная доза наркоза, и комната вновь погрузилась в темноту...

Пока сознание погружалось в химический сон, Нортис успел удивиться: «Интересно, почему стало темно? Ведь я больше не могу закрыть веки...»

...Алексей Вертинский доверил сыну собрать образцы водорослей и вручил ему перчатки, пластиковые пробирки и металлический скребок. Воображение Нортиса мгновенно превратило перчатки в усиленные сервоприводами манипуляторы, пробирки стали контейнерами для токсичных растений, а скребок теперь был настоящим деструктуризатором – что это такое Нортис и сам не знал – он вычитал это слово в комиксах про отважного космического капитана Алекса Хиша.

Лабиринт поддонов с водорослями идеально подошел под влажные джунгли, наполненные хищными тварями еще неизвестными науке.

Высунув язык, Нортис осторожно подцепил с лотка увядающую водоросль и, не дыша, переместил ее в подставленную пробирку. Сейчас он представлял себя космическим разведчиком, совершившим посадку на смертельно опасную планету Вега 17 для сбора образцов фауны по заданию командования Федерации.

– Ваш приказ успешно выполнен, сэр, – гундося проговорил Нортис в значок на воротнике камбинезона – в воображении семилетнего Нортиса, это был настоящий передатчик для связи с командным мостиком космического линкора «Победоносный». – Ожидая следующих указаний!

Неожиданно в его сознание вторглись незнакомые голоса, доносящиеся со стороны, где родители разместили лабораторный стол с электронным микроскопом и био-анализатором.

– Эй, милашка. Брось ты эти водоросли и обрати внимание на настоящих парней!

– Здесь запрещено находиться посторонним! – обычно добродушный голос отца, на этот раз отдавал металлом. – Немедленно покиньте оранжерею!

В ответ послышался визгливый смех и шум рассыпающихся по полу пластиковых пробирок с образцами спироулины.

– Ну надо же! Нет, Ржавый ты слышал? – и вновь режущий по ушам смех. – Ботаник сердится!

– Что вы делаете?! Я сейчас вызову охрану! – Нортис узнал голос отца.

– Слышишь, ботаник, а у тебя симпатичная подружка...

– Алексей, вызывай охрану, – послышался напряженный голос матери, и Нортис испуганно распахнул глаза – такой голос он слышал у матери лишь один раз, когда сестренка Настя упала и рассекла себе руку до кости.

– Линдро! Держи ее!

– Отпустите меня!

– Не смейте трогать мою жену! Обдолбанные уроды! Отпустите ее немедленно... – голос отца захлебнулся и тут же раздался радостный гогот незнакомцев.

– Неплохо ты его приложил!

– Пусть держит рот на замке! А черт – руку отсушил...

– А девка-то неплоха – глянь, глазищами так и сверкает!..

11

Как и рассчитывал Нортис, операции растянулись на неделю. Для самого калеки они пролетели достаточно незаметно – большую часть времени он был под действием наркоза. Когда он ненадолго приходил в себя, то отстраненно выслушивал краткий доклад от доктора о произошедших в его теле изменениях и вновь погружался в забытие.

Марлин коротала дни, наблюдая за доктором Люмбери, скрупулезно выполняя условия заключенного договора. Чем больше времени девушка проводила вместе с доктором, тем меньше он ей нравился. Внешне Люмбери казался весельчаком, проявлял заботу о Нортисе, но было в нем что-то темное и неприятное. Правда, одного положительного качества у доктора все же было не отнять – работал он умело. Он успевал везде: ассистировать роботу-хирургу, контролировать сменяющиеся показатели жизнедеятельности Нортиса на помигивающем виртуальном экране, строго выдерживать дозировку лекарств. За все время шедших одна за другой операций, Нортис ни разу не свалился в клиническую смерть и не получил химического шока от передоза. Доктор знал, что делал и, несомненно, являлся профессионалом. Этот факт заставил девушку насторожиться еще больше – наверняка, в прошлом доктора есть пара темных историй, иначе зачем ему прозябать во внешнем секторе? При наличии действительной врачебной лицензии и медицинского робота Люмбери мог спокойно жить и зарабатывать, как минимум в седьмом, а то и в шестом секторе. Специалисты своего дела ценятся везде.

Пару раз в комнату заглядывал жирный Рамирес, по своему обыкновению всегда что-то жующий, и интересовался делами парня. Продолжались такие посещения недолго. В последний свой приход толстяк застал момент, когда доктор Люмбери бережно принимал из манипуляторов робота только что извлеченную печень, истекающую кровью, и Рамиреса едва не вывернуло наизнанку. Больше хозяин ЖилМода в комнате не появлялся и лишь изредка справлялся о делах по терминалу, не включая видеосвязь.

К шестому дню большая часть работы завершилась – все органы были успешно извлечены и заменены имплантатами. После того, как заработало последнее устройство, Люмбери облегченно выпрямился и отдал роботу команду вернуть на место реберную клетку, сшить мышцы и кожу.

Отойдя в сторону, чтобы не мешать бездушному помощнику, Люмбери снял халат, утер им взмокшее лицо и бросил в угол. Немного помолчав, он обратился к бесстрастной смотрящей на него Марлин:

– Все. Теперь осталось только ждать и надеяться на лучшее.

– Надеяться? К черту надежду, док! Хочешь сказать, что он может и не проснуться? Для тебя лично это будет не самым лучшим исходом событий.

– Я ничего не хочу сказать! – огрызнулся Люмбери. – Я сделал все, что от меня зависело. КиберМед до сих пор подает ему регенерационную смесь и питание! Как и договаривались – все в полном объеме! Нам осталось лишь ждать! И хватит меня пугать – хочешь, чтобы у меня дрогнула рука, в самый неподходящий момент?

– Как его состояние?

– Пока в пределах нормы, – пожал плечами доктор. – Как подсказывает мой врачебный опыт, после таких серьезных операций, обычно, выкарабкиваются те, у кого есть ради чего жить – любящая семья, например.

Неожиданно усмехнувшись, Марлин бросила короткий взгляд на безжизненно вытянувшегося на узкой койке Нортиса, перевела взгляд на заваленный окровавленными салфетками пол, немного подумала и уверенно произнесла:

– Тогда все в порядке. Поверь мне на слово – этому парню, есть ради чего жить.

– Вам виднее, – фыркнул Люмбери. – Для меня это лишь бизнес и не более того. Если завтра он придет в себя, начнем приживлять протез. Никогда не понимал этих русских – он мог просто продать мне органы с заменой на имплантаты гражданской категории. Оставшейся суммы с лихвой хватило бы на получение образования для офисной работы как минимум второй категории. Не знаешь, зачем ему понадобились артианитовые имплантаты третьей категории? Ведь по сути он затеял эту перестановку мебели в своих внутренностях только из-за них и их дополнительных функций.

– Как ты сам сказал – для тебя это лишь бизнес, – отрезала Марлин. – Не суй свой нос в дела моего нанимателя.

Доктор давно уже удалился, а Марлин все так же задумчиво стояла у койки Нортиса и вглядывалась в его бледное лицо с гротескно выглядящей нащлепкой глазного имплантата.

– Ты проснешься, Нортис, – тихо прошептала она. – Я это знаю.

12

Нортис очнулся. Хотя, в данном случае уместней сказать – включился. Это выражение, гораздо больше подходило к человеку, жизнь которого поддерживали многочисленные имплантаты. Стоило умным процессорам зафиксировать усиление мозговой активности, и тотчас глазной имплантат перешел в активный режим и исправно показал пластиковый потолок в грязных разводах. Роторные помпы искусственного сердечного клапана с легким шелестом закрутились быстрее, ускоряя ток крови по венам, легочный имплантат принял в себя глубокий вдох и запустил процесс отделения кислорода. Да... Гораздо уместней сказать, что Нортис именно включился. Перешел из режима «СтэндБай» в состояние активной работы...

Отныне остаток его жизни будет проходить под тихий шелест помп, стрекот нагнетателей и легкое повизгивание сервоприводов неотлаженных имплантатов.

Зафиксировав пробуждение пациента, КиберМед издал мелодичный гудок, извещая об этом событии хозяина. Люмбери не заставил себя ждать, и вскоре его лисье лицо нависло над Нортисом. За спиной доктора виднелась фигурка Марлин, и Вертинский, опустив веки, дал понять ей, что все в порядке, с запозданием вспомнив, что теперь он лишен этой возможности выражения эмоций. У него не было глаз, равно как и век.

– Добро пожаловать в мир реальности, молодой человек, – обрадовано заявил доктор. – Должен сказать, что вы изрядно меня напугали – два дня в коме, это не шутка. Бедный доктор уже начал подозревать самое худшее.

– Пить... – вытолкнул из себя Нортис и удивленно прислушался к тому, как прозвучало это слово – голос воспринимался чужим, словно принадлежал другому человеку. Более хриплый и жесткий, и Нортис был уверен, что дело не в пересохшем горле. Воздух поднимался по гортани неровными рывками и отдавал привкусом пластика.

– Пить? О! Ну конечно! – засуетился доктор. – Прости, что не догадался сразу – от радости, добрый доктор совсем ум потерял. Вот, ухвати губами трубку. Вот так, осторожненько... не торопись...

Сделав несколько глотков прохладной воды, Нортис почувствовал себя лучше – исчезла наждачная сухость во рту, постившийся целую неделю желудок с довольным урчанием принял порцию воды и накатывающая тошнота отступила.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Люмбери, убирая тубу с водой от губ юноши. – Чувство удушья? Боли в груди?

– Нет, – покачал головой калека. – Я в порядке. Доктор, а что это вы так суетитесь?

– Жизнь пациента всегда важна для меня, – начал было доктор, но, заметив дернувшееся лицо Нортиса, смешался и после неловкой паузы продолжил уже совсем другим тоном. – Пришлось изъять у тебя оба легких. Легочный имплантат вошел в диссонанс с правым легким, и тебе грозила смерть. У меня не было выбора.

– Диссонанс? – переспросил Вертинский, переводя взгляд на свою изменившую форму груди. – Что значит, диссонанс? Ведь это не отторжение искусственного органа-заменителя?

– Скажем так – когда твое настоящее легкое делало вдох, имплантат производил выдох. Сам понимаешь, при таком диссонансе о нормальном дыхании можно забыть. Поэтому я изъясил правое легкое и прежний имплантат и заменил их более мощным сдвоенным устройством. Великолепный образчик микро-технологий!

– Модель? – выплюнул Нортис короткий вопрос. Скорее всего, доктор все же не смог удержаться и решил захватить и второе легкое. Попробуй теперь докажи обратное.

– Третья. Артианитовое покрытие, пятимесячный ресурс работы, предусмотрена фильтрация токсичных веществ средней опасности, – заученно оттарабанил Люмбери и выжидательно уставился на Нортиса.

– Это не было предусмотрено нашей сделкой, – решительно произнес Вертинский. – За легкое тебе придется доплатить.

– Согласен, – быстро ответил доктор, блеснув глазами. – Стандартная цена. Вся сумма уже переведена на твой счет. Все как полагается. Добрый доктор всегда выполняет свои обязательства с честью и тщатель...

– Я понял, – прервал Нортис хитроумного доктора. – Помимо денег скинешь мне на браском техническую спецификацию этого имплантата и коды допуска.

– Уже сделано, – кивнул Люмбери. – Вся необходимая информация ждет тебя в сети. Пароль на скачивание я уже отослал тебе письмом.

– Ясно. Помоги мне сесть, – потребовал Вертинский, отцепив от себя оставшиеся датчики и застегнув молнию комбинезона скрывая под ним багровеющий в центре груди широкий рубец. – Пора провести короткое испытание.

Люмбери услужливо подставил плечо, и, ухватившись за него, Нортис начал медленно сгибать туловище, подспудно опасаясь услышать хруст сминаемого пластика и скрежет рассыпающихся шестеренок. Тело достаточно легко повиновалось ему, и вскоре юноша уверенно удерживал себя в вертикальном положении без чьей либо помощи. Имплантаты никак не отреагировали на изменение положения и продолжали исправно поддерживать жизнь хозяина.

– Платформу, – вновь скомандовал юноша и доктор столь же безмолвно повиновался.

Привычно выполняя заученные за долгие годы движения, юноша втащил себя на платформу и закрепил тело эластичными ремнями. Разветвитель с щелчком занял свое место в затылочном гнезде, соединяя калеку и гусеничную платформу в единое целое. Браском защелкнулся на специальном поручне перед лицом юноши и приветственно мигнул экраном, давая сигнал, что опознал пользователя и готов к работе. Мысленной командой Нортис развернул платформу к вмонтированному в стену зеркалу и впервые за долгие восемь дней взглянул на свое отражение.

По большому счету, он увидел в отражении мутного зеркала все того же жалкого калеку, что и неделю назад. Мешковатый комбинезон надежно скрыл выпирающие сквозь кожу угловатые очертания имплантатов, левый рукав все так же безжизненно свисал с плеча. Изменилось только лицо – теперь, он во всем походил на своих любимых антигероев детства из комиксов – иссиня бледное лицо, жидкая щетина и черная нашлепка имплантата с поблескивающими сенсорными линзами. Именно таких мрачных и уродливых личностей, космический капитан Алекс Хиш с присущим ему изяществом уничтожал в каждом финальном выпуске комиксов. Сходство явное, особенно теперь, когда Нортис видел свое отражение в тускло зеленом цвете. Калек не удержался и горько рассмеялся – в детстве он всегда мечтал, что станет столь же красивым и мускулистым, как герои его комиксов. Мечтал, что поступит в школу космических пилотов и будет сидеть в капитанском кресле на мостике управления разведывательного корабля дальнего действия... Недавние слова доктора Люмбери «Добро пожаловать в мир реальности...» сейчас обрели добавочный и глубокий смысл. Вот она настоящая реальность – ты не красивый и мужественный капитан, а всего лишь жалкий искалеченный урод, готовящийся совершить преступление.

– И тебе не уйти от справедливого возмездия за свои деяния, – глухо пробормотал Нортис, по прежнему глядя на свое отражение. Эти слова являлись не переменными словами капитана Алекса Хиша, когда тот готовился расправиться с очередным злодеем. – Пусть будет так, капитан Хиш. Я не боюсь возмездия.

– Э-э-э... – недоумевающее протянул Люмбери, оглянувшись на не менее удивленную Марлин. – Все в порядке?

– Да, – коротко ответил Нортис, поведя плечами – доктор не забыл о бонусе и удалил со спины несколько квадратов кожи. Теперь спина отчаянно чесалась и зудела под слоем медицинского геля. – Все в полном порядке. Что еще мне надо знать?

– Все вживленные устройства работают на полную мощность. Теперь тебе не грозит сердечный приступ – сердца-то нету! Ха-ха-ха! – позволил себе доктор более чем неуместную шутку, но тут же опомнился и продолжил уже серьезным тоном. – Я оставил на столике у кровати дюжину пузырьков и блистеров с таблетками – их требуется принимать дважды в сутки через каждые двенадцать часов. В обязательном порядке, если конечно хочешь проснуться на следующее утро.

– Что за лекарства?

– Подавление иммунитета, обезболивающее, концентрированные мульти-витамины и мое ноу-хау – таблетки ЛюмбМеда – скромно замечу, что по праву разработчика, назвал эту милую смесь собственным именем!

– А точнее? Что делает это чудодейственное лекарство? Вставляет мозги? Если так, то обойдусь и без ЛюмбМеда.

– Ни в коем случае! ЛюмбМед необходим – он чистит твою кровь от побочных веществ, выделяемых вживленными имплантатами – весь мусор, что проскакивает через фильтры печеночного и почечных имплантатов. Пить их придется постоянно – иначе неизбежен токсикоз оставшихся органов и как следствие этого – смерть в мучениях.

– Ясно, – кивнул Нортис. – Что-нибудь еще?

– Больше ничего, молодой человек. Осталось лишь вживить в твою милую культяпку протез и соединить с нервными окончаниями. После этого добрый доктор Люмбери наконец-то сможет с чистой совестью отправиться домой и заняться оставшимися без присмотра пациентами. Стоит мне подумать о всех тех, кто сейчас нуждается в моей помощи, то сердце просто на куски разрывается!

– Тогда не теряй времени, – коротко ответил Нортис, своим новым голосом. – Приступай прямо сейчас.

– Как скажете юноша, как скажете, – обрадовано произнес Люмбери и засуетился вокруг неподвижного робота. – Сейчас, значит сейчас и никак иначе.

Пока доктор занимался настройкой электронного ассистента и распаковкой контейнера с протезом, Нортис переключил свое внимание на молчащую девушку.

– Как прошло?

– Без осложнений, – официальным тоном ответила Марлин. – Если, конечно, не считать проблему с легочным имплантатом и твою двухдневную кому.

– Главное, что я пришел в себя и прямо сейчас перечислю остаток суммы тебе на счет.

– Плюс оплата за сегодняшний день – это уже восьмой день, а договор был сроком на неделю.

– Не проблема, – согласился Нортис, смотря в экран браскома, где появилось окно перевода денежных средств. – Семьдесят кредитов плюс еще двадцатка за лишний день. Итого – девяносто кредитов и от меня лично небольшой бонус – округлим до ста кредитов. Готово! Проверь браском – думаю, перевод уже завершен.

Браском на предплечье девушки мелодично запищал, подтверждая слова Нортиса и изучив высвеченную информацию, девушка кивнула.

– Все правильно. Сто кредитов. С тобой приятно иметь дело, господин Вертинский.

– Как и мне, – постарался улыбнуться Нортис. – С этой минуты я смогу позаботиться о себе самостоятельно. Закрытый контракт я отослал тем же письмом.

– Еще лучше, – пожала плечами девушка и подхватила с пола небольшую сумку с личными вещами. – Если еще раз потребуются услуги телохранителя – у тебя есть мой контактный номер для связи.

На этом прощание закончилось. Активировав дверной механизм, девушка покинула узкий отсек ЖилМода. Дверные створки сомкнулись, оставив Нортиса наедине с доктором

Люмбери, который уже вынимал из открытого контейнера поблескивающий артианитовым покрытием протез.

Протез был далеко не новый – на серебристом покрытии виднелись многочисленные царапины. Особенно сильно пострадали металлические пальцы и зона запястья. На внешней стороне ладони виднелась небольшая вмятина, но Люмбери еще неделю назад заверил Нортиса, что на функциональность протеза это повреждение никак не повлияло. Тогда, Вертинский не обратил на слова доктора ни малейшего внимания – все станет ясно лишь тогда, когда протез займет свое место на обрубке правой руки и будет активирован. В отличие от внутренних имплантатов, внешние протезы имели гораздо больше подвижных частей и, следовательно, изнашивались в несколько раз быстрее. Как некогда выражались древние предки Нортиса – он покупал kota в мешке.

Несмотря на введенный доктором мощный коктейль обезболивающего средства, Нортис пережил не самые приятные часы в жизни. Закрепить протез на торчащей культe было нетрудно, равно как и активировать процессор искусственной руки. Все это было лишь прелюдией к самому страшному – протез начал настройку взаимодействия с нервными окончаниями хозяина и первым делом выпустил из своих внутренностей микрощупы. Благодаря услужливому КибМеду, показывающему на своем экране все происходящее в многократном увеличении, Вертинский воочию видел, как тончайшие щупы все глубже вторгаются в его культю и подобно слепым червям слепо тычут головками по сторонам в поисках нервных окончаний и управляющих синапсов. Обезболивающее помогало лишь отчасти, и, скрипя от боли зубами, Нортис порадовался, что у него больше нет слезных желез – иначе, слезы лились бы ручьем.

Один за другим, металлические пальцы конвульсивно сжимались и вновь распрямлялись – протез тестировал функциональность всех сервоприводов, прежде чем подключить их напрямую к нервным окончаниям и остаткам мышц. Со стороны казалось, что искусственная рука агонизирует – настолько беспорядочными и судорожными были движения металлических пальцев и запястья протеза.

Доктор Люмбери не принимал никакого участия в этом действе – протез проводил подключение полностью в автоматическом режиме. Воспользовавшись возникшей паузой, он деловито собирал оставшиеся инструменты и приборы в небольшую заплечную сумку. Медицинский робот при помощи манипуляторов отсоединил от левой руки Нортиса последние пластиковые трубки и, втянув их в свое нутро, начал складываться, превращаясь в прямоугольный пластиковый ящик. К тому времени, когда протез издал последний щелчок и безжизненно замер, доктор Люмбери уже полностью собрался и был готов к отбытию.

– Ну-с, молодой человек, – благодушно произнес доктор. – Все наши договоренности я выполнил. Позвольте на этом распрощаться.

– Деньги?

– Вся оговоренная сумма уже переведена на твой счет. Ровнехонько семьсот двадцать шесть кредитов.

– Хорошо, – ответил Нортис и, указав подбородком на протез, спросил. – А что с протезом?

– Протез проводит последние настройки под нового владельца, – пояснил доктор. – Это займет еще около получаса. После чего рекомендую хороший восьмичасовой сон, чтобы щупы протеза смогли надежнее зафиксироваться в твоём теле. Ведь тебе не хочется неожиданных осложнений? И не забудь про регулярный прием оставленных мною таблеток.

Нортис молча кивнул и доктор Люмбери покинул отсек ЖилМода в сопровождении КиберМеда. У Люмбери появилось сразу несколько неотложных дел – извлеченные органы не могли вечно находиться в сберегающих контейнерах, их следовало незамедлительно трансплантировать в тела богатых клиентов, с которыми он уже успел обговорить все детали. К глобому сожалению доктора, одного клиента ему придется разочаровать – мальчишка не согла-

сился продать органы воспроизведения – а тот старый чиновник был готов выложить за них кругленькую сумму. С сожалением вздохнув, доктор не останавливаясь прошел мимо регистрационной стойки с возвышающимся словно оплывшая гора Рамиресом и напрямик направился к станции монорельса, ведущего к шлюзовым воротам сектора. Большинство его клиентов проживали далеко не в двенадцатом секторе, и доктору предстоял долгий путь. Впрочем, Лямбери согревал себя мыслями о тех трехстах процентах прибыли, которые он поимеет с купленных задешево органов. Глупый мальчишка не знал, что такие чистые и здоровые органы – это огромная редкость в загнивающем Астероид Сити. Огромная редкость...

Дождавшись когда протез окончательно затихнет, Нортис закинул в рот горсть разноцветных таблеток, запил все это глотком теплой противной воды и погрузился в неровный сон, давая своему искромсанному организму хоть немного залечить повреждения. Больше всего калека опасался за прочность соединений артерий и вен с искусственными органами – в случае разрыва такого соединения, он попросту истечет кровью. Именно поэтому он решил пожертвовать еще одним днем на восстановление. В любом случае у него достаточно времени – он ждал десять лет, что ему несколько лишних дней?...

Ничего не понимающий Нортис, поспешно помчался на испуганный голос матери, продолжая вслушиваться в гогот неизвестных пришельцев. Игра в разведчиков была забыта. Нортис еще не знал, что это был последний раз, когда он играл подобно остальным детям его возраста. Как только мальчишка, обдирая ладони, выбрался из-под лотков с водорослями, первым делом ему бросился в глаза упавший на колени отец, прижимающий обе руки к животу и мать вырывающаяся из рук неизвестного мужчины.

– Ржавый! Как думаешь, что у нее под этим комбезом?! Спорим, что такая телка не носит трусиков? Ну-ка дерни за липучку. Помнишь ту древнюю песню из архива? Дерни за липучку, получишь результат, – фальшивя, пропел нескладный парень, отличающийся гнилыми зубами и нечесаной гривой черных волос. – Ну же! Дергай давай!

– Господи! Что же вы делаете! – вскрикнула старшая Вертинская, извиваясь в руках молодого парня. – Алексей!

Услышав отчаянный призыв жены, Алексей Вертинский сумел вздеть себя на ноги и сделать шаг к жене. Торопившийся к родителям Нортис невольно замер на месте и во все глаза уставился на отца – такого выражения на обычно добродушном лице отца, мальчишка не видел никогда. Опущенные плечи, выставленные перед собой напряженные руки и самое главное – тяжелый свирепый взгляд исподлобья – Алексей уже понял, что одними только словами малолетних беспредельщиков не образумишь.

Еще один шаг вперед, и удерживающий Елену подоконник покатился по полу, прикрывая лицо и истошно воя – прямой тяжелый удар Алексея расплющил ему нос словно гнилой фрукт. Неизвестные нападающие ошеломленно застыли на месте – никто не ожидал от «ботаника» таких решительных и самое главное – стремительных действий. Нортис бегом помчался к родителям и остановился рядом с тяжело дышащим отцом.

Освобожденная мать крепко ухватила его за плечи и завертела головой по сторонам, высматривая Настю – младшая сестренка сидела на шаг позади от них и думала над важным вопросом – заплакать сейчас или это просто странная игра, в которую играют мама с папой.

– Убирайтесь отсюда! – выплюнул Алексей закрывая собой жену и детей. – Просто убирайтесь и я обещаю, что не буду сообщать охране!

– Ты долбаный навозник! Ты сломал мне нос! – проверещал катающийся по полу парень, между его пальцев показались ярко-красные струйки крови.

– Убирайтесь! – не меняя тона повторил отец, и от его взгляда четверо подоконков замешкались и растерянно переглянулись. Пятый был занят лишь своим расплюснутым носом, и сейчас ему было на все плевать...

– Мой нос! О... кажется я захлебываюсь кровью! Мой нос...

13

Пронзительный перезвон таймера вырвал Нортиса из сна-воспоминания, который он видел каждую ночь вот уже десять с лишним лет. Рывком сев на узкой кровати, он обвел взглядом пустой отсек и сосредоточил визоры имплантата на мигающем экране браскома. Всего лишь будильник. Значит он проспал не меньше десяти часов, и сейчас время приема лекарств. Тело отдавало болью при каждом движении, и, закинув в рот горсть таблеток, Нортис с величайшим трудом заставил себя окончательно проснуться.

Привычно забравшись на платформу, он начал застегивать многочисленные пряжки и застегжки, и лишь когда все уже было готово, вспомнил, что теоретически у него уже две полноценные руки. Именно теоретически...

Калека нажал пальцем на чуть пружинящую защелку на запястье протеза, и небольшая панель с легким щелчком откинулась в сторону, обнажив несколько рядов световых индикаторов и мерцающий датчик, показывающий цифры 47.5 % – оставшийся запас энергии в источниках питания и самое главное – темно-красный переключатель активации самого протеза. Сейчас, он застыл на положении «Офф» и протез висел на плече юноши мертвым грузом.

– Пора проснуться, – пробормотал Нортис и решительно повернул переключатель до отчетливого щелчка. Мертвые индикаторы ожили, по ним пробежала вся гамма цветов, и, наконец, все огоньки зажглись успокаивающим зеленым светом.

Механические пальцы рывком сжались в кулак – это движение было проделано автоматикой протеза, которая подстраивалась под сигналы нервных окончаний хозяина. Аккуратно закрыв панель управления, Нортис перевел взгляд на протез и сосредоточился на команде «Разжать пальцы». Ничего не произошло. Искусственная рука отказывалась повиноваться. Несколько растерявшись, Нортис постарался представить в своем мозгу картину, как его новая рука выпрямляется и смыкает пальцы на пластиковой трубе с водой. Безрезультатно. Протез не желал шевелить даже мизинцем. Следующие полчаса калека потратил на попытку оживить имплантат и заставить его повиноваться, но успеха не добился. Уже совсем отчаявшись и чувствуя, как на глаза наворачиваются злые слезы разочарования, Нортис в бешенстве выругался и протянул руку к трубе с водой, собираясь освежить пересохшее горло. Совершенно неожиданно для него, протез метнулся к узкой трубе и с такой силой сжал стальные пальцы, что жалко хрустнувший пластик разлетелся во все стороны, а Нортиса окатило брызгами воды.

«Придурок! Дешевый нуб!» – мысленно выругал себя калека – как он вообще мог забыть, что внешние искусственные имплантаты повиновались не мозгу, а нервным окончаниям, к которым были подключены. Чтобы пользоваться новой рукой, не надо было «воображать» само действие – надо было действовать!

Выдохнув, Нортис уже не сосредотачиваясь разжал кулаки, и обе руки повиновались – левый кулак распрямил пальцы слепленные из живой плоти, а протез стремительно разжал артианитовые пальцы, и освобожденные остатки трубы шлепнулись на пол. Нортис поднял лицо к потолку и ликующе рассмеялся. Протез работал! Раскаты почти безумного смеха еще раз послышались из плохо изолированного отсека покалеченного постояльца, и проходивший по узкому коридору Рамирес невольно замер на месте и, покачивая головой, прислушался. Смех его одновременно и удивил, и напугал – совсем не так должен смеяться семнадцатилетний парень.

Совсем не так... и эти странные перекаты смеха..., они ему что-то напоминали – словно он уже слышал такой хохот прежде.

В коридоре вновь воцарилась тишина. Жирный хозяин ЖилМода развернулся и поспешно понес свои необъятные тела к регистрационной стойке. Взгромоздившись на стул, Рамирес первым делом залез в свой личный компьютер и торопливо защелкал папками, выис-

кивая нужный файл в обширном видеоархиве. Через секунду из стоящих на стойке колонок донесся вопль переходящий в пронзительный смех с хрипами – именно такой хохот Рамирес и слышал из отсека Нортиса. Почти один в один. Взглянув на трехмерное изображение на вирт-экране, Рамирес скользнул глазами ниже и прочитал напечатанное мелкими буквами пояснение:

Земные животные. Пятнистая гиена. Считается полностью вымершим видом.

Нащупав за спиной одноразовую упаковку с соком, толстяк сделал глоток и пробормотал:

– Одно из двух. Либо парнишка держит в отсеке гиену, либо у него поехали мозги. Одно из двух...

14

Условный рассвет – на Астероид Сити так назывался момент, когда притушенные на время сна лампы освещения начинали светиться ярче – застал Нортиса за терминалом. В эту ночь он не ложился. Как можно спать, когда имеется безлимитный выход в сеть?!

Лихорадочно стуча всеми десятью пальцами по клавиатуре, он листал архивы сетевых форумов и новостных сайтов. Установленный на поручне браском деловито похрюкивал, высасывая «тяжелый» архив доктора Люмбери из файло-хранилища через тонкий провод, подключенный к терминалу. Нортис и раньше отличался быстродействием в сети – хочешь не хочешь, а научишься, если в приюте выход в сеть появлялся лишь на пару часов в день – но сейчас он давно побил собственные рекорды. Десять проворных пальцев это ровно вдвое больше, чем пять и к тому же – великолепная тренировка для бездействовавших долгое время нервных окончаний в короткой культе. Имплантат, заменивший собой единственный глаз юноши, бесстрастно смотрел в вирт-экран и в отличие от своего предшественника не слезился и не болел от долго сидения за компьютером. В общем, все было неплохо.

Осталось лишь возместить Рамиресу стоимость клавиатуры – с непривычки Нортис слишком сильно давил пальцами протеза на клавиши, и теперь почти разбитой контактной доске прямая дорога на свалку. Или на запчасти – Нортис не привык разбрасываться электронными частями от любого устройства – достаточно вспомнить про торчащий из затылочного гнезда разветвитель, собранный практически из мусора. Жаль, что терминал не имел программы для прямого коннекта с имплантированным гнездом. Поэтому Нортис и стучал по клавишам с упорством обреченного.

Через полчаса браском пронзительно заверещал, давая понять, что справился с задачей и уже загрузил архив на свой хард. На мгновение отвлекшись от листания форумов, Нортис дал браскому линк на следующий запакованный архив – уже его собственный, закинутый в сеть пару лет назад и с тех пор регулярно пополняемый. В приюте преподаватели не гнушались проверками личных браскомов – искали порнографические стерео картинки, запрещенное видео, проверяли, какие порталы посещал воспитанник – полный контроль. Нортис попался лишь однажды, но урок он запомнил на всю жизнь – тогда старший преподаватель безжалостно удалил почти законченный программный код для разветвителя, по своей тупости посчитав, что Нортис занимался написанием вируса. Объяснять Нортис ничего не стал и лишь молился, чтобы этот далекий от компьютерных технологий человек не вздумал просмотреть другие папки в браскоме. Пронесло. Понятно, что стоило воспитателю закончить нравоучительную лекцию и уйти, юноша мгновенно восстановил удаленную информацию. Но решил больше не рисковать – в следующий раз, браском может проверить не человек, а любой из многочисленных роботов и доложить руководству о более чем странном наборе программ и учебников для юного воспитанника. Хорошенько усвоив полученный урок, калека стал всю важную информацию хранить на платном файло-хранилище в виде закодированного архива. Три кредита в месяц – вполне приемлемая цена.

Загрузив браском работой, Нортис вновь повернулся к мерцающему вирт-экрану и продолжил работу. Он искал в сети любое упоминание о случившейся с его семьей трагедии и не подозревал, что идет по пути, уже проделанном его экс-телохранителем Марлин. Всю найденную информацию он копировал и помещал в быстро растущий текстовый файл. Наткнувшись на изображение мертвого тела своей матери, он ненадолго замер и судорожно вздохнул. Мама...

Картинка была поделена пополам по вертикали. В левой части неизвестный журналист разместил фотографию улыбающейся в объектив камеры матери, в правой части она уже была мертва – раскинувшееся в нелепой позе тело, едва прикрытое лохмотьями порванного рабо-

чего комбинезона, мертво открытые глаза, обнаженные ноги в потеках крови и чернеющих синяках. Мама...

Сохранив изображение в специально отведенной папке, калека продолжил изучение информации. Когда он наткнулся в тексте статьи на слова начальника полиции Андерсона, его кулаки невольно сжались, сквозь сжатые зубы послышался шипение.

Начальник полиции с уверенностью заявлял: *...преступники скрыли лица масками...*

В голове Нортиса пронеслось воспоминание десятилетней давности:

...катающийся по полу поддон с разбитым носом – Линдро – именно так называли его те подонки...

...смеющийся молодой парень с ярко-рыжим ежиком волос и многочисленным пирсингом на бровях, носу, губах и даже языке... – Ржавый...

– Ржавый! Как думаешь, что у нее под этим комбезом?! Спорим, что такая телка не носит трусиков? Ну-ка дерни за липучку. Помнишь ту древнюю песню из архива? Дерни за липучку, получишь результат...

Еще один урод с нескладной фигурой, носом с горбинкой и пышной гривой грязных черных волос...

– Маски? – глухо пробормотал Нортис. – Масок не было, мистер Андерсон... Вы лжете мистер Андерсон.

Взглянув на молодцеватую фигуру начальника полиции в парадной форме, Нортис укрупнил изображение, пока на экране не осталось только напряженное лицо Андерсона, недолго вглядывался в картинку и удовлетворенно кивнул:

– Я помню тебя, мистер Андерсон. Помню очень хорошо. Помню, как ты навещал меня в госпитале вместе с журналистами... Помню, как у моей постели ты прилюдно клялся найти преступников, уничтоживших мою семью... Как же так, мистер Андерсон? Как же так?...

Фотография отправилась в только что созданную папку – «Мистер Андерсон» и Нортис продолжил поиск. Большую часть статей и материалов, выложенных для общего доступа в архивах новостных порталов, он уже скопировал и тщательно разложил по отдельным папкам и файлам. Теперь парень начал шерстить все молодежные форумы, что сохранились со времен десятилетней давности – в этом беда всех таких форумов. Сегодня они есть и популярны, а завтра уже бесследно растворились в недрах сети. Самую большую свою надежду Нортис возлагал на намертво засевшие в его памяти клички тех уродов: Линдро, Ржавый, Гикс и, конечно же, самый главный из пятерки подонков – Басс. Имени пятого Нортис не знал – к нему никто не обращался по имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.